

ТАНЕЦ ВОРОВ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

МЭРИ Э. ПИРСОН

Мэри Э. Пирсон

Танец воров

Серия «Мир «Хроник Выживших»»

Серия «Танец воров», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68005680

Танец воров: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-146594-0

Аннотация

Когда патриарх семьи Белленджер умирает, его сын Джейс становится новым патриархом. Даже соседние королевства преклоняются перед силой этой семьи, которая всегда жила по своим законам.

Молодая королева посылает Кази, бывшую легендарную воровку, разобраться в нападении на новое поселение. Прибыв в далекие земли Белленджеров, Кази встречает Джейса и понимает, что знает о нем далеко не все. Когда неожиданный поворот событий тесно связывает их, начинается игра в кошки-мышки, в которой их действия и мотивы становятся все запутаннее. Но пытаясь выполнить свои тайные миссии, Кази и Джейс рискуют потерять не только жизни, но и сердца.

Содержание

Глава первая. Казимира из Брайтмиста	5
Глава вторая. Кази	14
Глава третья. Джейс Белленджер	31
Глава четвертая. Кази	42
Глава пятая. Джейс	59
Глава шестая. Кази	62
Глава седьмая. Джейс	70
Глава восьмая. Кази	82
Глава девятая. Джейс	91
Глава десятая. Кази	99
Глава одиннадцатая. Джейс	106
Глава двенадцатая. Кази	113
Глава тринадцатая. Кази	126
Глава четырнадцатая. Джейс	134
Глава пятнадцатая. Кази	143
Глава шестнадцатая. Кази	150
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Мэри Пирсон

Танец воров

Mary E. Pearson
Dance of Thieves

Copyright © 2018 by Mary E. Pearson

Book designed © Rebecca Syracuse

© Ольга Захватова, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Посвящается Аве, Эмили и Лие, моим смелым и
неудержимым девочкам*

Записывай, велел он мне.

*Прибыв на место, записывай каждое слово,
пока не забылась истина.*

*И теперь мы записываем, по крайней мере те
части, которые помним.*

– Грейсон Белленджер, 14 лет

Глава первая. Казимира из Брайтмиста

Призраки не исчезли.

Они застыли в пространстве, ледяными голосами нашептывая предостережения. Но меня они не пугали.

Я уже знала истину.

Духи – они никогда не уходят. Взывают к тебе в самые неожиданные моменты. Руки их сплетаются с твоими руками, тянут за собой по тропинкам, ведущим в никуда. «*Сюда, сюда!*» – влекут они. Я почти научилась заглушать их голоса.

Мы ехали через долину Стражей, сверху на нас смотрели руины Древних. Мой конь настороженно наострил уши, хрипло фыркнул. Он тоже все знал. Чтобы успокоить, я хлопала его по шее. Со времен Великой битвы прошло шесть лет, но шрамы были по-прежнему видны: заросшие травой перевернутые повозки; разбросанные кости, вырытые из могил голодными хищниками; устремленные к небу ребра гигантских брезалотов; птицы, сидящие на изящных выбеленных клетках.

Я ощущала присутствие любопытных призраков: они парили среди нас, пристально наблюдая. Один из них прижал холодный палец к моим губам, предостерегая: «*Т-с-с-с, Казимира, держи рот на замке*».

Пока Натия бесстрашно вела нас вглубь долины, наши взгляды скользили по скалистым утесам, замечая следы послевоенной разрухи, которая постепенно поглощалась почвой, временем и памятью, словно зайца проглатывала змея. Пройдет немного времени, прежде чем этот хаос окажется погребен в чреве земли. И кто тогда будет помнить?

На середине пути, когда долина сузилась, Натия остановила лошадь, спешила и достала из седельной сумки сложенную белую ткань. Рен последовала за ней – ее худые ноги двигались по земле тихо, словно птицы. Синове замешкалась, бросив на меня неуверенный взгляд. Хотя она и была сильнее всех нас, не спешила покидать седло. Даже при ярком солнце ей не нравились беседы о призраках: те слишком часто навевались в ее сны. Заметив тревогу Синове, я ободряюще кивнула, и мы обе соскользнули с лошадей.

Натия, теребя ткань в смуглых пальцах, остановилась у большого зеленого кургана. Она будто знала, что скрывалось под плетеным травяным покрывалом. Это длилось всего несколько секунд, но показалось вечностью. Девятнадцатилетняя Натия была на два года старше нас, но в этот момент она выглядела гораздо взрослее. Эта девушка видела то, о чем нам лишь доводилось слышать.

Натия, слегка покачав головой, подошла к разбросанной куче камней и принялась складывать их в скромный мемориал.

– Кто здесь похоронен? – отважилась спросить я.

Натия плотно сжала губы.

– Джеб. Его так звали. По традициям далбретчей его тело сожгли на погребальном костре. Здесь я закопала его немногочисленные вещи.

«*Потому что так принято у бродяг*», – подумала я, но не высказала этой мысли.

Натия мало рассказывала о прежней жизни – о жизни, которая была у нее прежде, чем она прибыла в Венду и стала рахтаном. Впрочем, я тоже редко говорила о минувших днях. Некоторым событиям лучше оставаться в прошлом.

Рен и Синове неловко переминались с ноги на ногу, приминая сапогами траву. Натия не любила проявлять сентиментальность, даже тихо, как сейчас, особенно когда это нарушало план действий. Но на этот раз она медлила. Слова, которые привели нас в долину, повисли в воздухе. «*Они все еще здесь*».

– Он был особенным? – продолжила я.

Натия кивнула.

– Все они были. Но Джеб многому меня научил, и эти знания помогли мне выжить. – Она повернулась, окинув нас строгим взглядом. – А потом я передала их вам. *Будем надеяться*.

Натия смотрела на нас темными глазами из-под густых черных ресниц. Взгляд ее смягчился. Она изучала нашу троицу так, словно была опытным генералом, а мы – оборванными солдатами. Что ж, в каком-то смысле так и было, ведь

мы являлись самыми юными из рахтан, но все же рахтанами. Это что-то значило. Больше, чем что-то. Мы были элитой королевской гвардии. Мы не поднялись бы до такого положения, будучи неуклюжими дурочками. Во всяком случае, не постоянно. Мы выделялись уровнем подготовки и талантом.

Взгляд Натии задержался на мне чуть дольше. В предстоящей миссии меня назначили лидером – я была ответственна за принятие не просто правильных, а идеальных решений. И это значило не только добиться успешного выполнения задания, но и обеспечить безопасность каждого участника.

– Мы справимся, – пообещала я.

– Определенно, – отозвалась Рен, нетерпеливо сдувая со лба темный локон. Измотанная ожиданием, как и все мы, она хотела поскорее отправиться в путь.

Синове стала теребить одну из своих длинных косичек цвета хурмы.

– Все будет хорошо. У нас...

– Знаю, – перебила Натия, махнув рукой, чтобы остановить дальнейшие объяснения Синове. – У нас все получится. Но не забывайте, что сначала мы идем в поселение и только потом – в Хеллсмаус. Наша главная задача – задать вопросы, собрать информацию, добыть необходимые припасы. И что самое важное – держитесь в тени, пока мы не доберемся до места.

Рен фыркнула.

Я всегда знала, что сдержанность – одна из моих главных

черт, однако на этот раз передо мной стояла другая задача – ввязаться в неприятности.

Шум приближающихся лошадей прервал напряженный диалог.

– Натия! – звал Эбен.

Мы все обернулись. Лошадь Эбена взметала в воздух комья травы. Глаза Синове засияли, будто солнце подмигнуло ей из-за туч.

Эбен объехал вокруг Натии, не сводя с нее взгляд:

– Гриз в дурном настроении. Он хочет уезжать.

– Уже идем.

Натия встряхнула сложенную ткань. Оказалось, это была не просто ткань, а изумительной красоты рубашка. Она прижала ее к щеке, а затем поместила на каменный мемориал.

– Лен Круваса, Джеб, – прошептала она. – Самый лучший.

* * *

В начале долины Натия вновь остановилась.

– Запомните, – обратилась она к нам, в последний раз оглянувшись. – Двадцать тысяч – вот сколько людей погибло здесь за один день. Венданцы, морриганцы, далбретчи. Я не знала их всех, но кто-то знал. Кто-то, кто принес бы им луговой цветок, если мог.

Или рубашку из прекрасного льна Круваса.

Теперь я поняла, зачем Натия привела нас сюда. Это был

приказ королевы.

«Смотрите внимательно, запоминайте масштабы потерь. Эти жертвы, эти люди были кем-то любимы. Прежде чем приступить к заданию, взгляните на разрушения и навсегда запомните, что они совершили. Знайте, что поставлено на карту, и помните: рано или поздно драконы просыпаются и вылезают из своего черного логова».

Я видела тревогу в глазах королевы, слышала в голосе. И связана она была не только с прошлым. Королева боялась за будущее. Что-то назревало, и она отчаянно пыталась это остановить.

Я бросила взгляд на долину. На большом расстоянии кости и повозки терялись в безмятежном зеленом море, скрывая правду.

Ничто не было тем, чем казалось.

* * *

Ворчание Гриза по поводу предстоящей ночевки – дело обычное. Он предпочитал рано разбивать лагерь и так же рано уходить, иногда даже до рассвета, как будто одерживая победу над солнцем. Когда мы вернулись, его лошадь уже была готова, а костер потушен. Все, что ему оставалось, – нетерпеливо наблюдать, как мы пристегивали к седлам спальники и мешки.

Примерно через час нам предстояло разойтись в разные

стороны. Гриз направлялся в Сивик, в Морриган, чтобы передать королю, брату королевы, новости. Доставку важных посланий королева не доверяла никому, даже вальспрею, которого нередко использовала для передачи незначительных сообщений. Она прекрасно понимала, что на вальспрея могли напасть птицы или намеренно сбить люди. Гриза же ничто не могло остановить, за исключением, пожалуй, непреодолимого желания заглянуть в Терравин, – возможно, поэтому он так торопился. Синове любила подтрунивать над Гризом и постоянно донимала его шутками о возлюбленной из Терравина, при этом ее слова всегда поднимали бурю эмоций и отрицаний. Гриз был рахтаном старой закалки, хотя в наше время рахтаны уже не являлись той элитной, живущей по строгим правилам десяткой. Теперь нас стало двадцать. С приходом королевы к власти многое изменилось, в том числе и я.

Пока я складывала палатку, Гриз подошел ко мне, встал рядом и стал наблюдать. Я была единственной, кто пользовался палаткой, – она была совсем небольшой и не занимала много места. Когда во время миссии в южной провинции Гриз впервые увидел мое снаряжение, он был против и молчать не стал. *«Мы не спим в палатках»*, – проворчал он с отвращением. Я до сих пор помнила, как неловко мне стало. Однако в последующие недели сумела переплавить стыд в решимость. Слабость делает человека мишенью, а я давно пообещала себе не становиться жертвой. Поэтому похо-

ронила стыд глубоко под броней, которую не могли пробить никакие оскорбления.

Гриз смотрел угрюмо, загораживая мне свет своей громадной фигурой.

– Неужели ты не одобряешь мою технику складывания? – спросила я.

Он промолчал.

– В чем дело, Гриз? – отчеканила я, обернувшись.

Он потер пальцами заросший щетиной подбородок.

– Между нами и Хеллсмаусом простираются *равнины. Пустынные* земли.

– К чему ты клонишь?

– Ты... *не страдаешь?*

Я встала, бросив ему сложенную палатку. Он поймал ее.

– Я справлюсь, Гриз. Не переживай за меня.

Он нерешительно кивнул.

– Главный вопрос в том, – добавила я, помедлив для эффекта, – справишься ли *ты?*

Гриз выгнул бровь, бросил на меня озадаченный взгляд и потянулся к ножам на боку.

Улыбаясь, я продемонстрировала ему украденный кинжал.

Его недовольство сменилось ухмылкой. Он вложил кинжал в ножны и, приподняв густые брови, одобрительно покачал головой.

– Держи нос по ветру, Десятка.

Десятка – мое второе имя, завоеванное невероятным трудом. Признание моих способностей. В знак благодарности я подвигала всеми десятью пальцами.

Никто, тем более Гриз, никогда не забудет, каких усилий мне это стоило.

– Эй, ты хотел сказать *против* ветра? – отозвался Эбен.

Я бросила на него взгляд. И никто, особенно Эбен, не забудет, что моя жизнь в качестве рахтана началась в тот день, когда я плюнула в лицо королеве.

Глава вторая. Кази

Я заметила королеву, когда она шла по узким грязным улочкам Брайтмиста. Я ничего не планировала, но порой случайные действия способны направить нас неожиданным путем, изменить судьбу и то, что определяет нас. Вот пример: Казимира, сирота, уличная воровка, бросила вызов королеве и превратилась в рахтана.

В шесть лет меня толкнули на один путь, а позже – в день, когда я плюнула новой королеве в лицо, – моя жизненная дорога резко свернула. Улыбка королевы – весьма неожиданная реакция на мой поступок – определила не только мое будущее, но и будущее королевства. Ее меч висел в ножнах на боку. Толпа зевая, затаив дыхание, ждала дальнейшего развития событий. Все знали, что случилось в подобных ситуациях *раньше*. Будь она Комизаром, я бы уже давно лежала без головы. На самом деле ее улыбка испугала меня даже больше, чем меч: я поняла, что прежняя Венда, где я так хорошо ориентировалась, осталась в памяти. И я возненавидела ее за это.

Выяснив, что я сирота, она велела стражникам привести меня в Санктум. В то время мне казалось, что я очень умная. Слишком умная по сравнению с молодой королевой. На тот день мне уже исполнилось одиннадцать, и, конечно, я не терпела, когда вмешивались в мои дела. Я думала, что пере-

хитрю ее так же, как и всех остальных. В конце концов, это было *мое* царство. Все десять пальцев находились при мне – и репутация в придачу. На улицах Венды меня благоговейным шепотом называли Десяткой.

Вор или *мнимый* вор с десятью пальцами считался легендой. Окажись я пойманной с краденым товаром, мое прозвище в одночасье сменилось бы на Девятку. Восемь квотерлордов, назначавших наказание за воровство, называли меня иначе: для них я была Теневой странницей, так как даже в полдень, клялись они, я могла наколдовать ночь и скрыться под ее покровом. Некоторые, завидев меня за версту, начинали судорожно теребить амулеты, спрятанные под одеждой. Что бы ни говорили, но удачу мне приносила не только темнота. Знание людей и уличной политики – вот что являлось залогом моего успеха. Я оттачивала навыки, сталкивая лбами квотерлордов и купцов. Я будто была музыкантом, а они – барабанами под моими ладонями. Они хвастались друг перед другом, утверждая, что мне никогда не обвести их вокруг пальца, пока я ловко избавляла их от вещей, которым могла найти лучшее применение. Их неисчерпаемый эгоизм стал моим верным сообщником. Извилистые переулки, туннели и переходы служили мне школой, а желудок – неумолимым наставником. Но мной управлял и другой, более глубокий вид голода – жажда ответов, которые было не так просто вытащить из имущества надменного лорда.

Вот только из-за королевы знакомый мне мир в одночасье

разрушился. Я голодала и пускала в ход когти, чтобы достичь этого положения, и меньше всего на свете мне хотелось его лишаться. Тесные извилистые улочки Венды – это все, что я когда-либо знала. И ее воровской мир – все, что я понимала. Мою вселенную населяли люди, ценившие тепло конского навоза в зимнюю пору, нож в мешке из рогожи и дорожку из зерна, хмурый взгляд обманутого торговца, который вдруг осознал, что в его корзине не хватало яйца или даже целой курицы. К слову, мне удавалось исчезать и с более крупным и шумным товаром.

Возможно, мне и нравилось утверждать, что на воровство меня толкал голод, однако это было не совсем так. Случалось, я воровала у квотерлордов, чтобы сделать их жалкую жизнь еще более жалкой. Частенько мне в голову закрадывалась мысль: стань я квотерлордом, я бы тоже отрубала пальцы в стремлении продемонстрировать власть? Ведь я давно усвоила, что власть, подобно теплему хлебу, соблазнительна и вкусна, и иногда даже крупица превосходства над квотерлордами могла заменить мне пищу.

С подписанием новых договоров между королевствами, разрешающих заселение Кам-Ланто, люди, для кого и с кем я воровала, один за другим начали перебираться туда, желая начать новую жизнь среди этих просторов. В один миг из легенды я превратилась в бесполезную птицу, хлопающую ошипанными крыльями. Я же, несмотря на ощущение собственной никчемности, не хотела переселяться в деревню,

расположенную посередине неизвестности. Я просто *не могла* этого сделать. В девять лет, когда я вышла за стены Санк-тума в поисках ответов, я оглянулась на исчезающий город и ощутила, что я – всего лишь пятнышко среди пустого ландшафта. От увиденного у меня перехватило дыхание. Небо над головой тошнотворно закружилось; чувство уязвимости накрыло удушающей волной. Я вдруг осознала, что прятаться было негде. Ни теней, ни палаток, ни лестниц, ни кроватей. Мне негде было раствориться, негде спастись, некуда убежать. Прочный каркас моего мира – пол, потолки, стены – в одночасье исчез. Не раздумывая, я вернулась в город и больше никогда его не покидала.

Я знала, что под открытым небом мне не выжить, поэтому, чтобы спасти свое привычное существование, я решилась на тот дерзкий поступок. Однажды у меня уже украли жизнь, и я не могла позволить этому повториться.

Но как бы сильно ни противилась, это все-таки произошло. Человек не в силах сдержать прилив. Новый мир, как вода у берега, подступил к моим ногам и утянул в свои течения.

Первые месяцы в Санктуме прошли беспокойно. Я часто задавалась вопросом: почему меня до сих пор не задушили? Я бы на их месте так и поступила. Я тайком проникала в чужие покои, крала все, что попадалось мне на глаза, и прятала в тайном коридоре под лестницей Восточной башни. Из личных комнат мне удалось утащить немало вещей: люби-

мый шарф Натии, сапоги Эбена, деревянные ложки повара, мечи, пояса, книги, алебарды, расческу королевы. Иногда я возвращала украденные вещи владельцам, одаривая их милостью, как капризная королева, а иногда – оставляла себе. Когда в третий раз я стащила бритву Гриза, он разразился бранью и бросился за мной вдогонку по коридорам замка.

Однажды утром, когда я зашла в галерею Совета, королева вдруг заплодировала мне, сказав, что я в совершенстве освоила воровство, но теперь настало время приобрести и другие навыки.

Она встала и протянула мне меч. Тот, что я недавно украла.

Наши глаза встретились. *Где она его взяла?* На мой изумленный взгляд королева ответила лишь: *«Я знаю все тайные места в Санктуме, Казимира. Ты не единственная, кто отличается хитростью. Давай найдем мечу лучшее применение, чем позволим ему ржаветь на темной и сырой лестнице».*

Впервые я не сопротивлялась.

Мне стало любопытно. Я хотела не просто владеть украденными мечами, ножами и булавами, но знать, как с ними обращаться. *Хорошо* обращаться.

* * *

Ландшафт становился все более ровным, будто огромные

руки, предвидев наш визит, разгладили морщины холмов. Те же руки, должно быть, очистили их от руин. Было странно видеть эту пустоту. Мне еще не приходилось ехать дорогой, где отсутствовали бы свидетельства прежнего мира. Руин Древних было много, но на *этих* землях не встретилось ни одной полуразрушенной стены, отбрасывающей жалкую тень. Ничего – только открытое небо и ветер, сковывающий дыхание. Сосредоточившись на точке вдалеке, я вдохнула полной грудью и притворилась, что где-то впереди меня ожидал волшебный город.

Настало время расходиться. Гриз остановился, чтобы обсудить с Эбенем и Натией место следующей встречи. Когда они закончили, Гриз обернулся, глядя с опаской на лежащие перед нами просторы. Наконец его глаза остановились на мне. Я, поймав его взгляд, потянулась и расплылась в улыбке, будто наслаждаясь летней прогулкой. Солнце стояло высоко, отбрасывая тень на его испещренное шрамами лицо. Я заметила, как углубились морщины вокруг его глаз.

– И последнее, – добавил Гриз. – Будьте осторожны. Однажды побывав в этих местах, я сократил свою жизнь года на два. А все потому, что не имел привычки оглядываться.

Гриз продолжил рассказывать, как на него и офицера из Далбрека напали охотники за рабами и потащили в шахтерский лагерь.

– Мы хорошо вооружены, – напомнила Рен.

– К тому же с нами Синове, – добавила я. – Син, у нас

ведь все под контролем?

Синове прикрыла глаза, будто погрузившись в видение.

– Да, все отлично. – Она кивнула, демонстративно щелкнула пальцами и весело промурлыкала: – Так что смело езжай к своей возлюбленной, Гриз!

Гриз, что-то проворчав, махнул рукой, еще раз выругался и ускорился прочь.

Дальше мы последовали без указаний Натии. Им с Эбе-ном предстояло путешествие в Парсус, южную резиденцию Эйсландии, чтобы поговорить с королем и сообщить ему о нашем прибытии. Как и большинство эйсландцев, король в первую очередь был фермером. Вся его армия, состоящая из нескольких десятков стражников, тоже работала в полях – неудивительно, что королю не хватало сил, чтобы справиться с беспорядками. Гриз описывал его как кроткого, слабохарактерного человека, неспособного контролировать далекие северные территории. Королева знала, что он не станет препятствовать, но не предупредить не могла: это была дипломатическая предосторожность на случай, если что-то пойдет не по плану.

Впрочем, ничто не должно было поставить миссию под угрозу. Я ей обещала.

И все же королю Эйсландии не доложат об истинной цели нашего визита, которая была настолько большим секретом, что держалась в строжайшей тайне даже от правящего монарха.

Спрятав карту, я погнала коня в направлении Хеллсмауса. Синове оглянулась на Эбена и Натю, чтобы оценить, насколько близко друг к другу они держались и завязалась ли между ними беседа. Я не знала, почему Натя испытывала к Эбену чувства, но я могла спросить об этом у других. Синове, например, обожала любовные истории.

– Как думаете, у них уже было? – застрекотала Синове, как только Натя и Эбен оказались вне пределов слышимости.

Рен застонала.

Я надеялась, что Синове подразумевала что-то *другое*, но все-таки спросила:

– У кого? Что было?

– У Натии и Эбена. Ну, *это*...

– Ты у нас ясновидящая, Синове, – протянула Рен. – Тебе и без нас все известно.

– Мне снятся *сны*, – поправила Синове. – Вы бы тоже их видели, если бы чуть-чуть постарались. – Ее плечи вздрогнули от отвращения. – Но *такие* зрелища я видеть не желаю.

– Она права, – согласилась я, обращаясь к Рен. – Некоторые вещи нас не касаются.

– Лично я никогда не видела, чтобы они целовались. – Рен пожала плечами.

– Или хотя бы держались за руки, – добавила Синове.

– Нежность – не их стихия, – напомнила я.

Синове нахмурила брови.

Никто не озвучил то, что было всем известно: Эбен и Натия были страстно друг другу преданы. Я подозревала, что они не только целовались, но также понимала, что их отношения меня не касались. Мне было все равно. В чем-то мы с Гризом оказались похожи. В первую очередь мы были рах-танами – на что-то еще времени не оставалось. Любовь лишь создавала проблемы. Несколько недолгих романов с солдатами, которые у меня были, только отвлекли меня, чего, как я решила, мне совсем не нужно. Во мне просыпалась тоска и наводила на мысли о будущем, на которое нельзя было рассчитывать.

Мы продолжали путешествие, слушая несмолкаемый монолог Синове. Так было всегда. Она часами делилась своими многочисленными наблюдениями, будь то трава, щекочущая ноги лошадей, или соленый суп из лука-порей ее тетки. Я понимала, что отчасти она делала это, чтобы отвлечь меня от путешествия через пустой мир, который нависал надо мной, расширялся и грозился втянуть в свой открытый рот. Признаюсь, временами, когда я не могла себя чем-то отвлечь, ее болтовня помогала.

Рен, предупреждая вскинув руку, подала сигнал остановиться.

– Всадники, сигнал тревоги! – объявила она. Острый край ее *тиэзе* рассек воздух, когда она *вытащила* его, *приготовившись*.

Синове натянула тетиву.

Вдалеке над равниной стремительно мчалось темное облако, становясь все крупнее по мере приближения. Едва я выхватила меч, как мрачная туча резко устремилась в небо, а потом что-то просвистело над нашими головами, держа в когтях вырывающуюся антилопу. Крылья существа подняли ветер, который напугал лошадей и растрепал наши волосы. Рен, Синове и я инстинктивно пригнулись. Однако не прошло и секунды, как существо исчезло за горизонтом.

– *Джабэве!* – воскликнула Рен, пока мы пытались успокоить скакунов. – Что за чертовщина?

Гриз даже не подумал нас предупредить. Я слышала об этих существах, но всегда думала, что они обитали где-то на севере, за Дьявольской землей. Что ж, по-видимому, не сегодня.

– Это ракаа, – отозвалась Синове. – Одна из птиц, которая питается вальспреями. Сомневаюсь, что люди входят в их рацион.

– *Сомневаешься?* – выпалила Рен. Ее загорелые щеки пылали от ярости. – Хочешь сказать, что ты *не уверена*? И насколько же мы отличаемся по вкусу от антилопы?

Я убрала меч обратно в ножны.

– Будем надеяться, что довольно сильно.

Рен, собравшись с мыслями, убрала *тиэзе*. Она носила по одному на каждом бедре и держала их острыми, как бритва. Она была способна с легкостью справиться с двуногими нападающими, но атака крылатых существ требовала у нее пе-

реоценить собственные силы. Я поняла, что в ее голове сейчас производились расчеты.

— Я могла бы с ним справиться.

Еще бы. Рен обладала упорством загнанного в угол барсука.

Демоны, которые толкали ее на свершения, были такими же требовательными, как и мои, поэтому Рен пришлось отточить навыки до безжалостной остроты. Это было не удивительно: ее родителей убили на Блэкстоун-сквер прямо у нее на глазах, когда ее клан совершил смертельную ошибку, поддерживая похищенную принцессу. То же случилось и с Синове. Пусть она и играла в невинность, в ней таилось что-то смертоносное. Она убила даже больше мародеров, чем мы с Рен вместе взятые. Семь, по последним подсчетам.

Вернув стрелу в колчан, Синове возобновила болтовню. По крайней мере до конца поездки у нее появилась тема для разговоров. Ракаа стал новым поводом, чтобы отвлечься.

Но тень ракаа отправила мои мысли в другом направлении. Я задумалась, что на следующей неделе мы, подобно грозному существу, нагрянем в Хеллсмаус, и, если все пойдет по плану, через некоторое время я покину город с чем-то более важным, чем антилопа, извивающаяся в когтях.

Шесть лет назад развязалась война, самая кровопролитная из всех, что когда-либо видел континент. В смерти тысяч невинных людей была виновата небольшая группа. Один из этой группы был все еще жив, и, если верить слухам, его

считали худшим из худших – дозорный капитан цитадели в Морригане. Предав королевство, которое он клялся защищать, капитан постепенно заполнил крепость вражескими солдатами, чтобы ослабить защиту Морригана и помочь ему пасть. Некоторые солдаты, некогда находившиеся под его командованием, бесследно исчезли. Возможно, они вызывали много подозрений и от них решили избавиться? Как бы то ни было, но их тела так и не нашли. Он совершил множество преступлений. Среди прочего – помощь в отравлении короля, убийство наследного принца и тридцати двух его соратников. С того времени дозорный капитан оставался самым разыскиваемым человеком на континенте.

Два раза ему удалось вырваться из цепких лап королевского суда, а потом он и вовсе исчез. Его не видели лет пять, пока недавно не объявился торговец, желающий поделиться информацией. Теперь, возможно, у нас появилась какая-то зацепка. *«Он предал королевство и погубил жизни тысяч людей, чтобы удовлетворить свою алчность, – рассказывала мне королева. – Голодные драконы могут спать годами, однако пищевые пристрастия у них не меняются. Его нужно найти. И живые, и покойные требуют справедливости».*

Еще до того, как я побывала в долине мертвых, я знала, чем обходится пробуждение дракона – того, что крадется в темноте, а потом врывается в мир и поглощает все, что ему только захочется. Этот человек заплатит за украденные мечты и жизни, заплатит за разрушения и посеянный ужас.

Пусть некоторые драконы и засыпают навечно, но этого монстра, капитана Иллариона, предавшего соотечественников и убившего тысячи людей, не спрячет даже Дозор Тора. Я найду его, и он заплатит за все прежде, чем его голод унесет еще больше жизней.

«Ты нужна мне, Казимира. Я верю в тебя». Вера королевы в меня значила все.

Я идеально подходила для этой миссии, и она могла помочь мне искупить вину. Год назад я совершила оплошность, которая едва не стоила мне жизни и поставила пятно на почти безупречной службе в главной гвардии королевы. Рахтан означает «не знающий неудач». Но я познала неудачу, и не проходило и дня, чтобы об этом не вспоминала.

В тот день, когда я приняла посла из Рей Ло за кого-то другого, во мне проснулось нечто дикое, необузданное, о чем я даже не подозревала, – возможно, это был раненый зверь, которого я долгое время тайно подкармливала. Мои ноги и руки, будто мне не принадлежа, толкали меня на бездумные действия. Я не собиралась его ранить, точно не сразу, но он сделал неожиданный выпад. К счастью, мой нож не нанес ему глубоких ран – посол выжил после атаки, а на рану пришлось наложить несколько швов. Меня и моих товарищей по службе немедленно арестовали и бросили в тюрьму, но как только выяснилось, что я действовала одна, остальных тут же выпустили на свободу. Что касается меня, то я просидела в камере в южной провинции еще два месяца. Если бы не королева,

которая все уладила и добилась моего освобождения, я бы так и осталась гнить в тюрьме.

Как бы то ни было, но эти месяцы прошли не зря: они предоставили мне время для размышлений. Я вдруг осознала, что за долю секунды лишилась самоконтроля и выдержки – тех самых качеств, которыми гордилась и которые в течение многих лет спасали мою шкуру. И, что еще хуже, моя ошибка заставила меня усомниться в собственной памяти. Что, если я больше не помнила его лица? Вдруг оно испарилось из моей памяти, как и многие другие померкшие воспоминания? Эта перспектива меня напугала: если я позволила себе забыть его лицо, то он мог быть где угодно и кем угодно.

По возвращении в Санктум Эбен сообщил королеве о моем прошлом. Я понятия не имела, откуда он узнал подробности, ведь я никому ничего не рассказывала. Да и кому было дело до уличной воровки? Нас и так слишком много.

Королева пригласила меня в свои покои.

– Почему ты не рассказала о своей матери, Казимира?

Сердце в груди бешено колотилось; во рту появился тошнотворный соленый привкус. Я собралась с силами, сжала ноги, боясь, что те подкосятся.

– Мне нечего рассказывать. Она мертва.

– Ты в этом уверена?

Я не сомневалась, однако все равно молилась богам, чтобы так и было.

– Надеюсь на божью милость.

Королева предложила поговорить об этом. Я знала, что она пыталась помочь. Знала, что она заслуживала объяснений – особенно после всего, что для меня сделала. Вот только мои воспоминания представляли спутанный клубок гнева, который я никак не могла распутать. Поэтому я просто ушла, ничего не ответив.

Покинув покои королевы, первым делом я загнала Эбена в угол на лестничной клетке и набросилась на него, выплеснув весь гнев:

– Не лезь в мои дела, Эбен! Ты слышишь меня? Не лезь!

– В дела не лезть или в твое *прошлое*? Кази, тебе нечего стыдиться. Тебе было шесть лет. Ты не виновата, что твоя...

– Заткнись, Эбен! Никогда не упоминай о моей матери, иначе я перережу тебе горло, и это произойдет так быстро, что ты даже не поймешь, когда отдал душу богам!

Эбен преградил мне путь рукой.

– Ты должна побороть своих демонов, Кази.

Потеряв самообладание, я бросилась на него. Эбен ожидал выпада – он развернул меня, резко прижал к груди, да так сильно, что я не могла дышать.

– Я *понимаю*, Кази. Поверь мне, понимаю, что ты чувствуешь, – прошептал он мне на ухо.

Я была в ярости. Я кричала. *Никто* не мог меня понять. Особенно Эбен. Я не могла смириться с воспоминаниями. Откуда ему было знать, что всякий раз, когда смотрела на его черные, спадающие на глаза волосы, на бледную, бескровную

кожу, на его мрачный, угрожающий взгляд, я видела только кучера из Превизи. Кучера, который прокрался в мою лачугу посреди ночи, держа в темноте фонарь, и спросил: *«Где это отродье?»* Я хорошо помню, как сидела в собственных испражнениях, трясаясь от страха и боясь пошевелиться.

Но больше я не боялась.

– Тебе дали шанс, Кази. Не отказывайся от него. Ради тебя королева подставила шею. Ты больше не бессильна – ты сможешь многое исправить.

Эбен держал меня крепко, и вскоре я перестала бороться, ослабев. Когда он наконец отпустил меня, я в гневе бросилась прочь по темным коридорам Санктума, где меня никто не мог найти.

Позже я узнала от Натии, что Эбен меня и правда понимал. В свои пять лет он стал свидетелем, как в грудь его матери всадили топор. Он смотрел, как заживо сжигали отца. Его семья хотела поселиться в Кам-Ланто до того, как появились договоры. На тот момент Эбен был слишком мал, чтобы выяснить, кто сделал это, или по крайней мере понять, из какого они королевства. Ему было невозможно найти правосудие, но смерть родителей накрепко засела в его памяти. Когда я лучше узнала Эбена и стала чаще с ним работать, перестала видеть в нем кучера из Превизи. Он стал для меня Эбеном со своими причудами и привычками, человеком с тяжелым прошлым и глубокими душевными ранами.

«Ты сможешь многое исправить».

Для меня эти слова стали поворотным моментом, началом чего-то. Больше всего на свете я хотела доказать свою преданность человеку, который не только дал *мне* второй шанс, но и подарил второй шанс всей Венде. Королеве.

Была одна вещь, которую я не могла исправить.

Но, возможно, могла бы изменить что-то еще.

Братья и сестры, собирайтесь ближе.

Руки наши коснулись звезд,

Осыпав пылью надежд.

Но работе нет конца,

Ибо все возвращается на круги своя.

Мы должны быть готовы и помнить,

Что спящий дракон пробудится,

Снова пройдет по землям нашим,

Станет искать, чем утолить назойливый голод.

И будет так,

Во веки веков.

– Песнь Джезелии

Глава третья. Джейс Белленджер

«Все, что находится в пределах видимости твоих глаз, — наша земля. Никогда не забывай об этом. Она принадлежала моему отцу, и его отцу, и отцу его отца. Все это — территория Белленджеров, и так было всегда, еще со времен Древних. Мы — первородная семья. Каждая птица, парящая над головой, каждый вдох, каждая упавшая капля воды — наши. Только мы устанавливаем здесь законы. Гляди в оба. Следи, чтобы ни одна горсть земли не ускользнула от тебя, иначе ты потеряешь все».

Я аккуратно положил руку отца вдоль его туловища. Кожа была холодной, пальцы огрубели. Несколько часов назад жизнь покинула его. Смерть казалась мне невозможной, странной. Всего четыре дня назад он был здоров, полон сил и энергии, а потом, взобравшись на лошадь, схватился за грудь и рухнул на землю. Провидица во всем винила его врага, который, по ее мнению, наложил заклятие. Целитель утверждал, что всему виной сердце и изменить что-то было нельзя. Как бы то ни было, но через несколько дней отца не стало.

Кровать по-прежнему была окружена дюжиной стульев, только теперь на них никто не сидел. Круглосуточное бдение закончилось, сменившись тишиной неверия. Я отодвинул стул, направился к балкону, откуда открывался вид на тянущиеся к горизонту туманные холмы, и вдохнул полной

грудью. «*Ни одной горстки*», — пообещал я отцу.

Остальные ждали, когда я выйду из комнаты с отцовским кольцом на пальце. Отныне оно принадлежало *мне*. Тяжесть его последних слов текла по венам, сильная и мощная, как кровь Белленджеров. Я окинул взглядом бескрайний ландшафт. *Наши земли*. Я знал каждый холм, каждый каньон, каждый обрыв и реку, — *все, что находилось в пределах видимости*. Теперь, казалось, все выглядело иначе. Я отступил от перил. Скоро наступят трудные времена: так было всегда, когда умирал Белленджер. Новости распространялись быстро, разлетались по лигам, разбросанным за пределами границ. Отец выбрал неподходящее время для смерти: первый урожай уже поспел; превизианцы требовали груз, а Фертиг — руки моей сестры. Она никак не могла решиться. Лично мне Фертиг не нравился, но сестру я любил всем сердцем.

Покачав головой, я отошел от перил. *Папри*. Теперь все зависело лишь от меня. Я сдержу клятву. Наша семья будет крепко стоять против любой угрозы, как и всегда.

Вытащив нож из ножен, я вернулся к постели отца, срезал кольцо с его распухшего пальца и, надев на свой, вышел в коридор, полный ожидающих лиц.

Люди смотрели на мою руку, на следы крови моего отца на кольце. Все. Начало положено.

Раздался гул почтительных голосов.

— Пойдемте, — позвал я. — Пришло время напиться.

Гулкое эхо шагов разносилось по главному залу: десяток людей, а то и больше, направлялись к двери с единственной целью – напиться до беспамятства.

Мать, выглянув из западной прихожей, спросила, куда я собрался.

– В таверну. Пока новости не распространились повсюду. Она стукнула меня по голове.

– Слухи пошли еще четыре дня назад, дуралей. Стервятники чуют смерть еще до ее прихода и начинают кружить над жертвой. Увидишь – к следующей неделе они будут обгладывать наши кости. И еще, *сначала* подай милостыню в храм, а уже потом напивайся. И от стражи не отходи: времена теперь беспокойные!

Мать бросила предупреждающий взгляд на моих братьев – те послушно кивнули. Глаза ее вновь обратились ко мне, строгие, огненные, *ясные*. Я знал, что эту стену невозмутимости она воздвигла тяжелым трудом. Даже после смерти своих детей – моих брата и сестры – она не проронила ни слезинки, направив отчаяние в другое русло – на приобретение новой чаши для храма. Взгляд матери переместился на кольцо на моем пальце, и она слегка покачала головой. Я знал, что она расстроилась, ведь двадцать пять лет это кольцо принадлежало ее мужу. Вместе они укрепили династию

Белленджеров. У них было одиннадцать детей, девять из которых до сих пор были живы, и приемный сын – их обещание, что мир будет только крепнуть. Именно на них она и сосредоточилась, вместо того чтобы заикливаться на утратах.

Мать поднесла мою руку к губам, поцеловала кольцо, а потом вытолкнула меня за дверь.

Пока мы спускались по ступеням, Титус буркнул себе под нос: «Не забудь про милостыню, дуралей!» Я толкнул его плечом, и остальные разразились смехом, когда Титус полетел вниз по ступенькам. Все мы были готовы к ночи неприятностей. К ночи забвения. Быстрое увядание человека – человека, который был так полон жизни, – послужило напоминанием: смерть заглядывала нам через плечо.

Пока мы шли к лошадям, ко мне подошел старший брат, Ганнер.

– Пакстон не станет медлить.

Я кивнул.

– Но и спешить ему некуда, – подчеркнул я.

– Он тебя боится.

– Боится, но недостаточно.

Мэйсон похлопал меня по спине.

– Черт с ним, с Пакстоном. Он все равно не явится до погребения, если *вообще* явится. А пока нам нужно напоить тебя до соплей, *патри*.

Я был готов. Я нуждался в забвении так же, как Мэйсон и остальные. Я хотел, чтобы все закончилось, хотел, чтобы мы

двигались дальше. Каким бы слабым ни был мой отец перед смертью, он успел многое сказать на последнем издыхании. Моим долгом было выслушать каждое его слово и поклясться в верности, даже если он говорил это раньше, – а он говорил. Он твердил это всю мою жизнь. Его слова укоренились в моем сердце, как печать Белленджеров запечатлелась на моем плече. Семейная династия – по крови и клятвам – находилась в безопасности. Тем не менее его последнее наставление никак не выходило у меня из головы. Он не был готов так скоро отпустить бразды правления. *«Белленджеры никому не кланяются. Добейся... чтобы она явилась. Другие... они заметят».* Вот эта часть казалась труднее.

Стервятники, кружащие в надежде захватить территорию, входили в число врагов, кого требовалось раздавить в первую очередь. Пакстон был среди них самым главным. Неважно, что он являлся моим двоюродным братом. Он все еще был незаконнорожденным отпрыском моего дяди, предавшего в далеком прошлом свою семью. Пакстон правил на небольшой территории Радж-Нивад на юге, но ему этого не хватало. Как и остальные члены его рода, он сгорал от зависти и жадности. Как бы то ни было, Пакстон являлся кровным родственником – он, без сомнений, прибудет отдать честь отцу, а заодно и оценить наши силы. Радж-Нивад находился в четырех днях пути. Пакстон еще ничего не знал, а если бы и знал, дорога до нас заняла бы столько же. У меня на подготовку оставалось время.

Страж крикнул в сторону башни – и нам разрешили проезд. Тяжелые металлические ворота со скрипом открылись.

Я чувствовал на себе взгляды, чувствовал, как они скользили по моей руке. Патри.

Хеллсмаус раскинулся в долине чуть ниже Дозора Тора, и лишь его часть была видна сквозь кроны тембрисовых деревьев. Однажды я заявил отцу, что хочу взобраться на вершину каждого из них. Мне было восемь, и на тот момент я не понимал, насколько высоко они простирались в небеса. Отец говорил, что вершины тембрисов – это царство богов, а не людей. Но меня и это не остановило. Впрочем, я не смог высоко залезть, уж точно не добрался до вершины. Человеку, скорее всего, не под силу такое. И все же, как бы высоко ни росли деревья, их корни доставали до самого ядра земли. Они – единственное, что укоренилось на этой планете крепче, чем Белленджеры.

Как только мы оказались у подножия холма, Ганнер крикнул и погнал лошадь вперед. Остальные последовали за ним. Мы мчались так быстро, что грохот копыт отдавался в наших костях. Нам нравилось громко объявлять о прибытии в город.

* * *

Колокол тихо зазвонил, словно соприкоснулись хрустальные бокалы, и звон эхом разнесся по каменным сводам хра-

ма. Как бы шумно мы ни входили в город, наша семья уважала святость храма – даже если на уме у нас были лишь карты и бочки с элем. Еще пять ударов колокола, и мы закончим. Ганнер, Прая и Титус встали на колени по одну сторону от меня, а Джалейн, Самюэль, Арам и Мэйсон – по другую. Мы заняли весь первый ряд. Стража – Дрейк, Тиаго и Чарус – стояли на коленях позади нас. Священник, заговорив на древнем языке, смешал пепел с телячьей кровью, а потом прикоснулся влажным пальцем к нашим лбам. Служители храма с торжественным видом положили наши подношения в ларец, посчитав их подходящими для богов. Более чем подходящими, я бы сказал: этого было достаточно, чтобы нанять еще одного лекаря для лазарета.

Колокол прозвонил трижды. Потом еще дважды.

И последний раз. Мы встали, приняв благословение священника, после чего торжественно вышли из темного зала. Статуи святых стояли на высоких колоннах и смотрели на нас сверху вниз, пока благословения служительницы плыли за нами, как призраки-хранители.

Титус спустился к подножию лестницы и только потом издал пронзительный свист – призыв направляться в таверну и пить за нового *патри*. Благопристойность перед лицом смерти только разжигала Титуса. А может, не только его.

Я почувствовал, как кто-то потянул меня за плащ, – это была провидица, которая ютилась в тени колонны, прикрыв лицо капюшоном.

– Какие новости? – спросил я, бросив несколько монет в ее корзинку.

Она потянула меня за плащ, пока я не опустился на колени, мои глаза оказались на одном уровне с ее, цвета лазурных камней. Они будто парили в черной тени капюшона. Ее взгляд остановился на мне, голова наклонилась в сторону, словно она скользнула в глубину моих глаз.

– *Патри*, – прошептала она.

– Ты уже слышала.

Она покачала головой.

– Не от людей. Ваша *душа* говорит со мной. Но я еще кое-что знаю...

– Что?

Она наклонилась ближе. Голос провидицы стих до шепота: она будто боялась, что информация достигнет чужих ушей.

– Ветер шепчет, что они идут, *патри*. Они идут за вами.

Она взяла мою руку, сжав своими шишковатыми пальцами, и поцеловала мое кольцо.

– Да хранят вас боги.

Я осторожно отстранился и встал, продолжая смотреть на нее.

– И тебя.

Эта новость меня не удивила, но брошенных монет я не пожалел. Все знали, что мы столкнемся с трудностями.

Не успел я спуститься на нижнюю ступеньку, как Лотар и

Рансел, два наших зрителя, притащили кого-то и поставили передо мной на колени. Я узнал его – Хагур с аукциона по продаже скота.

– Воруешь, – объявил Лотар. – Как ты и предполагал.

Я одарил Хагура пристальным взглядом. В его глазах не было отрицания, только страх. Я вытащил нож.

– Только не перед храмом, – умолял он. Слезы струились по его щекам. – Я прошу вас, *патри*. Не позорьте меня перед богами.

Он схватил меня за ноги, склонив голову и всхлипывая.

– Ты уже опозорен. Неужели ты думал, что мы не узнаем?

Он не отвечал, только молил о пощаде, пряча лицо в моих сапогах. Я оттолкнул его. Наши взгляды встретились.

– Семью не обманывают.

Хагур быстро закивал.

– Но *однажды* боги проявили и к нам милосердие, – продолжил я. – Так же поступают и Белленджеры. – Я спрятал нож в ножны. – Встань, брат. Раз ты живешь в Хеллсмаусе, ты – часть нашей семьи.

Я протянул руку. Хагур смотрел на меня недоверчиво, будто боясь угодить в ловушку. Я шагнул вперед, поднял его на ноги, обнял.

– Но милость мы даруем лишь *однажды*, – прошептал я ему на ухо. – Запомни мои слова. На следующий год будешь платить двойную десятину.

Хагур отстранился, кивнул, поблагодарил меня, а потом

развернулся и, спотыкаясь, бросился прочь. Он больше не станет обманывать. Он запомнил, что он – семья, а своих не предают.

По крайней мере, я так думал.

Я снова вспомнил Пакстона и слова провидицы.

«Они идут за вами».

Пакстон был настоящей помехой, кровососущей пиявкой, распробовавшей вкус вина. Но мы разберемся с ним так же, как разбирались со всем остальным.

Падальщики ушли. Ушли с нашими припасами.

– Ушли? – спрашивает он. Я киваю. Он умирает у меня на руках. Еще чуть-чуть, и от него останется лишь прах, пепел и призрак величия. Он вкладывает карту мне в руку.

– Вот где скрывается истинное сокровище. Отведи их туда. Теперь все зависит от тебя. Защити их.

Он обещает, что там есть еда. Обещает, что там безопасно. Он говорит это с тех пор, как упали первые звезды. Я не знаю, что такое безопасность: я никогда не видел спокойных времен. Он из последних сил сжимает мою руку.

– Что бы ни случилось, чтобы бы ни пришлось тебе делать, никогда не сдавайся и не сбивайся с дороги. Не в этот раз.

Я обещаю, что сделаю, как он просит: не хочу, чтобы в свои последние минуты он верил, будто все его усилия и жертвы пропали даром.

– Забери мой палец. Он – единственный ключ.

Он достает из жилета бритву, протягивает мне. Я качаю головой. Я не могу так поступить с собственным дедом.

– Давай же, – приказывает он. – Чтобы выжить, тебе придется делать вещи и похуже. Тебе придется убивать. А это, – говорит он, глядя на свою руку, – ничто.

Как я могу послушаться? Он – главный командир. Я смотрю на тех, кто нас окружает, на запавшие глаза, на лица, покрытые грязью и страхом. Я мало кого знаю.

Он сует мне в руку бритву.

– Из многих вы остались одни. Вы – семья. Семья Белленджеров. Защищайте друг друга. Вы – выжившие, для кого и построен Дозор Тора.

Мне всего четырнадцать, а остальные и того младше. Как мы сможем противостоять падальщикам, ветрам, голоду? Как сделать это в одиночку?

– Пора, – повторяет он. И я выполняю его приказ. Дед не издает ни звука. Только улыбается, закрывает глаза и делает последний вдох. Я же делаю свой первый вдох в роли лидера Выживших, которому дед и командир поручил сохранять надежду. Вот только я не уверен, что смогу.

– Грейсон Белленджер, 14 лет

Глава четвертая. Казн

Загоны для скота были разбиты; обломки разбросаны, точно трут для розжига. Запах паленой травы обжигал легкие. Один только взгляд на эти разрушения воспламенял во мне ярость. И не только во мне – Рен и Синове кипели от гнева. Внезапно цель нашей миссии разделилась, как изображение в разбитом зеркале. В конце концов ярость сослужит нам добрую службу. Мы все это знали. Фиктивный предлог для приезда – расследование нарушений договора – неожиданно вырос, стал полновесным, наполнился гневом, с зубами, когтями и ядом.

Поселение состояло из четырех домов, здания собраний, амбара и нескольких сараев. Все сооружения были повреждены, амбар – полностью уничтожен. Подойдя ближе, мы заметили сгорбленного мужчину, который увлеченно копался в огороде, не обращая внимания на окружающие его разрушения. Заметив нас, он поднял мотыгу, но чуть погодя, признав плащ Рен, сшитый из ткани клана Меурази, опустил орудие. И все же одежды Рен были не единственным знаком добрых намерений. На моем кожаном жилете был выбит таннис – почетный символ, нанесенный на венданский щит, а на носу лошади Синове красовалась ленточка с кисточками, символизирующая клан восточных болот. Все эти знаки были связаны с Вендой – если, конечно, знать, что искать.

Мы подъехали ближе.

– Кто это сделал? – с ходу спросила я. Впрочем, можно было и не спрашивать. Я и без него знала ответ.

Держась за поясницу, мужчина выпрямился. Его лицо было изборозжено морщинами – знак, что многие годы он провел под солнцем. Скулы – усталые холмы на высушенной ветрами местности. В домах за его спиной прятались другие поселенцы: они выглядывали из-за дверей и треснувших ставен, боясь выйти на крыльцо собственного жилища. Каемус – так его звали – рассказал, что посреди ночи к ним нагрянули мародеры. Было темно, и поселенцы не смогли разглядеть их лиц, но Каемус знал наверняка: это были Белленджеры. Они приходили неделей ранее с требованием убрать шотгорнов с их земли. Одного они взяли в качестве платы.

Рен огляделась.

– С *их* земли? В самом центре Кам-Ланто?

– Все, что находится в пределах видимости, – *их* земли. Каждая травинка, как они смеют утверждать.

Костяшки пальцев Синове побелели от ярости.

– Где ваш скот? – спросила я.

– Его нет. Они забрали. Наверное, в качестве платы за воздух.

Я заметила, что и лошадей было не видно.

– А где равианские скакуны, подаренные Морриганом?

– И их забрали. Осталась только старая ломовая лошадь для повозки. Несколько наших уехали на ней в город за при-

пасами. Но знаете что? Много им все равно не купить, потому что с венданцев требуют двойную плату.

Мужчина крепко сжал челюсти и вцепился в мотыгу пальцами. Венданцев не так-то легко запугать, однако Каемус считал, что люди побоятся возвращаться в поселение.

– Вы не станете платить ни надбавку, ни плату за воздух, – отрезала я, бросив последний взгляд на разрушения. – Это займет некоторое время, но ущерб вам возместят.

– Послушайте, мы не хотим связываться с...

– Поселенцы вернутся, а *вы* получите компенсацию.

Каемус бросил на меня неуверенный взгляд.

– Вы не знаете Белленджеров.

– Верно, – согласилась я. – Но и они нас не знают.

А это мы скоро исправим.

* * *

Хеллсмаус находился в двадцати милях от поселения. Это был отдаленный таинственный город. Немногие о нем слышали, а те, кто слышал, знали лишь одно: Хеллсмаус – растущий центр торговли. Впервые я услышала о нем несколько месяцев назад, но сразу предположила, что город достаточно крупный, ведь ни один мелкий городок не мог предложить такие возможности для торговли.

Пока мы ехали дальше, меня одолели усталость и раздражение. Прошлой ночью – даже несмотря на палатку – спала

я беспокойно. Эта жалкая пустыня будто клевала меня как неутомимая птица, заставляя сомневаться в существовании хотя бы одного крупного города. Мне казалось, что уже много дней я не могла вдохнуть полной грудью.

Синове болтала без умолку, а когда она в очередной раз завела разговор о ракаа, я не выдержала и нагрубила.

– Прости, – извинилась я после долгого молчания. – Зря я сорвалась.

– Боюсь, у меня закончились свежие темы, – буркнула Синове.

Я чувствовала себя по-настоящему несчастной, и она это знала. Тишина никогда не доставляла мне радости, поэтому Синове отчаянно пыталась ее заполнить. Я привыкла к городскому шуму, нескончаемому гулу, вою, звукам людей и животных, звонкому стуку дождя по крышам, шлепанию повозок по грязным лужам, громким зазываниям уличных торговцев купить голубя, амулет или чашку горячего танниса. Я жаждала услышать рев бурлящей реки, звяканье обмундировки солдат, марширующих по переулкам, тяжелые вздохи сотни мужчин, поднимающих мост, бряканье поминальных костей, свисающих с тысячи ремней. Все это соединялось в нечто живое и цельное.

Этот громкий мир помогал мне прятаться и был моей броней, в то время как тишина оставляла меня уязвимой, обнаженной.

– Пожалуйста, – настаивала я, – Расскажи, откуда у ракаа

берется потомство.

– Из яиц, Кази, – вмешалась Рен. – Ты даже не слушала. Синове прочистила горло – сигнал, чтобы мы замолчали.
– Я лучше расскажу вам историю.

Мы с Рен приподняли брови, но, несмотря на сомнение, я все-таки была благодарна.

Эту историю Синове рассказывала тысячу раз и частенько добавляла неожиданный поворот, чтобы нас рассмешить. Она говорила об Опустошении так, как рассказали бы фены своим протяжным, легким произношением. В новой версии значимую роль играла ангел Астер. Однажды, когда боги совсем обленились и перестали заботиться о мире, а Древние возвысились до божественного положения и парили в небесах, жадные до силы, но слабые в мудрости, сокрушая все на своем пути, Астер, хранительница небес, провела рукой по галактике, собрала горсть звезд и бросила их на землю, чтобы уничтожить обитавшую там злобу. Но жили на земле люди, Выжившие, которых она сочла чистыми сердцем, и к ним она проявила милосердие, уведя от разрушений в безопасное место за врата Венды. «А фенам, конечно же, главенствующим над всеми, она подарила жирного жареного поросенка со сверкающей звездой во рту». Каждый раз, рассказывая историю, Астер одаривала фенов разными подарками – обычно жирными и сочными, в зависимости от того, насколько голодна была Синове.

Рен тоже поделилась историей, известной в ее клане. В ней

жареных поросят не было, но появилось много острых клин-ков. У меня же не было ни своей версии, ни клана – даже среди венданцев я не относилась ни к одной группе. Однако во всех услышанных мной историях я заметила одну общую закономерность: боги и ангелы разрушали мир тогда, когда люди, стремясь стать богами, забывали о милосердии. В них никого не щадили, за исключением Выживших, которые обрели благосклонность богов. Так родились наши королевства, но, как часто предупреждала королева: *«работе нет конца, ибо все возвращается на круги своя. Мы должны быть готовы»*.

И теперь, похоже, нам предстояло следить за Белленджерами.

Рен, чьи глаза загорелись ястребиной искрой, закричала первой:

– Вот он!

Вдалеке, среди глади равнины, возвышались холмы и руины, украшающие пейзаж густыми тенями. Далеко за ними, у подножия туманной лавандовой горы, обрисовывалось темное пятно. По мере приближения оно приобретало форму и цвет, расплзалось, точно гигантский зверь, лежащий у ног задумчивого хозяина. Что это – Хеллсмаус? И, что еще важнее, кто хозяин? Над городом нависал темно-зеленый овал, напоминающий тиару с шипами. Что это? Деревья? Странные, неземные деревья. Ничего подобного я раньше не видела.

Синове протяжно вдохнула.

– *Это* и есть Хеллсмаус?

Мой пульс участился, я привстала в стременах. Мийе фыркнул, готовый сорваться в галоп. *«Рано, мальчик. Подожди немного».*

Вскоре начали появляться проблески древних улиц, словно спины подземных змей, всплывающих на поверхность.

– Клянусь богами, – прошептала Рен, – он такой же огромный, как Санктум.

Сделав глубокий вдох облегчения, я откинулась в седле. Трудностей теперь не возникнет.

* * *

Хеллсмаус расположился на границе Эйсландии, напоминающей по форме падающую слезу, в которой город находился в самой ее вершине, вдали от остальной части Малого королевства. Согласно докладу, полученному королевой, сразу за границей возвышалась неприступная крепость Белленджеров. Но так ли уж она неприступна? Это нам и предстояло узнать.

В отличие от Санктума в Венде вокруг Хеллсмауса не было ни стен, ни Великой реки, держащей город в плену. Он напоминал отважного, неудержимого военачальника. Дома селений тянулись к крепости, подобно сильным, кривым пальцам. И весь город окружали деревья, обрамляя его, словно

мистический венок. Мы заметили множество ворот и группы путешественников.

Путь до Хеллсмауса был неблизким, поэтому Рен выбрала подходящую развалину, где они с Синове разбили лагерь, чтобы немного передохнуть.

Хотя через городские ворота проезжало множество странников, мы притягивали взгляды. Что так привлекало горожан? Венданский герб на снаряжении? Что-то необычное в наших лицах? Или, возможно, они поняли, что мы прибыли не для того, чтобы покупать или продавать, а по причине, которую они бы не сочли хорошей? Что ж, если так, то в этом они оказались правы.

Рен, покачив головой, что-то проворчала себе под нос.

– Мне это не нравится. – Она вытащила *тцэзе*, поворачивала его в пальцах, а потом со щелчком убрала обратно в ножны.

Мы с Синове переглянулись. Мы знали, что это произойдет. Это был своеобразный ритуал: Рен просчитывала каждый риск за несколько минут до того, как мы действительно попадали в опасную ситуацию.

– Ты уверена? Белленджеры – влиятельная семья. Если тебя запрут...

– Уверена, – ответила я, прежде чем Рен успела продолжить. Наши глаза встретились. – Я уже говорила Гризу, но еще раз повторю: я справлюсь. И вы справитесь.

Она кивнула.

– Смотрите в оба.

– Всегда глядим, – заверила я.

На улицах, где мы жили, существовали негласные законы. Рен знала, что я чту их. Глядеть в оба – это не просто профессиональный совет, а залог выживания.

Мы шли вперед, разглядывая необычный город и отмечая его особенности. К одной из них мы отнесли паутину хаотичных строений, которые зависли прямо над нашими головами. Их надежно удерживали толстые ветви деревьев, а веревочные подвесные мосты соединяли с другими зданиями – домами, магазинами и большим трактиром, стоящими среди деревьев. Архитектура города представляла смесь старого и нового. Руины были переоборудованы в дома и магазины, а древние потрескавшиеся камни объединились с новым полированным мрамором. В некоторых частях города гигантские деревья напоминали крепкий отряд дозорных. Их стволы, шириной в две повозки, пропускали сквозь навесы листвы тусклый свет. В центре города эти дозорные отступили, оставив небольшое пространство для солнечных лучей, которые освещали белое мраморное здание, придавая ему неземное сияние.

Храм.

Выбеленное здание расположилось в центре большой круглой площади, где было много людей, суеты, шума и всего того, что я очень любила. Я приостановилась, наслаждаясь зрелищем, и на несколько секунд задержала дыхание – привычка, от которой невозможно было избавиться. Я всматри-

ввалась в лица в поисках преследователей, однако в *этом* городе за мной никто и не думал гнаться. Наверное, именно по этой причине мой вздох выразил не только облегчение, но и разочарование.

Когда мы обошли храм, я сделала еще одно открытие: отсюда улицы расходились, подобно спицам колеса, в центре которого находилась площадь.

Вскоре мы нашли конюшню, где покормили и напоили лошадей. Пока Рен и Синове устраивали скакунов в стойлах, я спросила у хозяина, где найти магистрат.

– Вы его нашли. Судья в вашем распоряжении.

Судьи, которых я встречала в Рей Ло, никогда не занимались чисткой конюшен.

– Так вы и *здесь* следите за соблюдением закона?

– За порядком. Всего нас десять человек. – Мужчина расправил плечи, прищурил один глаз. – Что вы хотели?

Я рассказала, кто я, что прибыла с целью расследования нарушений договора по поручению короля Эйсландии (что было лишь отчасти правдой) и королевы Венды.

Судья открыто рассматривал нас, блуждая взглядом от сапог до пристегнутых к поясу меча и ножей. Глаза его задержались там.

– Мне ничего не известно о нарушениях.

«Не сомневаюсь».

Я придвинулась ближе, и он тут же отступил на шаг: очевидно, даже он знал о рахтанах.

– Как исполнитель закона короля, я приказываю вам рассказать все, что вы знаете.

Он лишь покачал головой и пожал плечами. Я была готова скрутить этого проныру в бараний рог, но для этого было слишком рано: у меня имелись дела поважнее.

– В город пришли венданцы. Они покупают припасы. Вы их видели?

Казалось, он так и ждал, когда я оставлю его в покое.

– Видел, – протянул он без всякой охоты. – Видел их утром. Они направлялись в ту сторону. – Он указал на проспект через площадь. – Там есть лавка...

– Лавка, где венданцы переплачивают за товар?

Судья пожал плечами.

– Откуда мне знать? Но скажу одно: люди здесь верные, а Белленджеры владеют этим городом. И всегда владели.

– Как интересно. А вы в курсе, что Хеллсмаус входит в состав Эйсландии, а не земель Белленджеров?

Ухмылка коснулась его губ.

– Иногда трудно заметить разницу. Половина горожан – их родня, другая – в долгу у них.

– И правда. Скажите, судья, а к какой из половин вы причисляете *себя*?

Он только усмехнулся. Я повернулась и уже собиралась уйти, как вдруг он меня окликнул:

– Дружеское предупреждение: следите за тем, кому вы переходите дорогу.

Весьма дружеское.

Я позвала Рен и Синове, и вместе мы отправились в торговую лавку. По пути мы задали несколько вопросов местным, однако полученные ответы не отличались от слов судьи. Они ничего не знали. И я не могла понять причину: то ли они молчали перед рахтанами, то ли боялись говорить о Белленджерах и быть наказанными согласно их закону.

У торговой лавки, над полными продовольствия бочками и ящиками, был натянут полосатый тент. Зерно, сушеные бобы, соленое мясо, маринованные окорока, пестрые фрукты и овощи – все стояло аккуратными рядами. Я удивилась этому изобилию – впрочем, так было всегда, когда я попадала в чужой город. Внутри магазина я разглядела лопаты, ткани и огромный стеллаж, заставленный настойками. Неподалеку ждала повозка, запряженная старой ломовой лошастью. Не принадлежала ли она венданским поселенцам?

Подойдя ближе, я понаблюдала за продавцом: тот прогонял детей, которые резвились возле ящиков с апельсинами. Вернее, с *яркими сочными апельсинами*. Мой рот немедленно наполнился слюной. За всю жизнь я попробовала апельсин лишь однажды – когда пробралась в дом квотерлорда. В тот день я искала не фрукты, но не смогла удержаться, чтобы не попробовать. В самом центре стола, точно украшение или трофей, лежал *апельсин*. Я понюхала его, воодушевленно сняла кожуру, разбросав вокруг: мне хотелось, чтобы квотерлорд увидел, что его сокровище оценено по достоинству.

Я вдохнула небесный аромат. Стоило мне откусить кусочек, и я знала, что этот фрукт создан божественным вдохновением и был первой едой, которую боги сотворили.

Мои щеки болели от воспоминаний о лопающихся во рту золотистых дольках. Меня восхищал даже вид этого фрукта – аккуратные маленькие полумесяцы, уложенные в позолоченное совершенство. Это был первый и последний раз, когда мне удалось отведать апельсин. Они редко попадали в Венду, а если и попадали, то были роскошью, предназначенной лишь для квотерлордов и губернаторов. Обычно их – как и другие диковинки – преподносили в качестве подарка из Комизара. Что ж, любовь детей к таинственному фрукту я понимала как никто другой.

Выйдя из лавки, женщина крикнула что-то детям. Те побежали к лошади, запрыгнули в телегу и приняли товар из ее рук. Как только припасы были уложены, детские взгляды с тоской вернулись к апельсинам.

Рен обратилась к женщине на венданском языке. Услышав родную речь, та удивилась – об этом свидетельствовали ее округлившиеся глаза. В Хеллсмаусе говорили на ландском, который был практически идентичен наиболее распространенному языку континента – морриганскому.

Мы приблизились, и Синове первая задала вопрос:

– Вы из поселения?

Женщина встревоженно огляделась.

– Да, – прошептала она. – У нас проблемы: сгорел амбар,

а вместе с ним и припасы. Пришлось отправиться в город за провизией.

Пока она рассказывала, что они потратили на еду последние деньги, я услышала в ее голосе страх. Стремясь избежать голодного времени года в Венде, поселенцы пришли сюда в поисках пищи. В надежде на лучшую жизнь многочисленная венданская армия была расформирована, но в результате эти меры обернулись проблемами иного плана.

Я объяснила, что мы рахтаны, присланные королевой с целью расследования, а потом расспросила о мародерах. История женщины соответствовала рассказу Каемуса: темнота помешала разглядеть лица налетчиков, но она знала наверняка, что незадолго до происшествия приходили Белленджеры и требовали плату.

– А остальные где? С кем вы приехали в город? – спросила я.

Она указала вниз по улице. Как оказалось, они собирали продовольствие в разных лавках, чтобы как можно скорее отсюда уехать. Когда я спросила, не брал ли торговец двойную плату, она опустила глаза, боясь ответить, и тихо промолвила:

– Я не знаю.

Мой взгляд упал на пустой мешок из рогожи на краю повозки.

– Могу я одолжить?

Хотя глаза женщины настороженно прищурились, она

кивнула.

Сунув мешок в руки Рен, я подала знак, чтобы она следовала за мной. Рен закатила глаза: она сразу поняла, что я намеревалась сделать.

– *Сейчас?*

– О, да, – ответила я.

Я направилась к торговцу, который следил за товарами под навесом, и указала на ящик с апельсинами.

– Сколько берешь?

Он ответил не сразу: раздумывал, какую цену мне предложить. Он видел, что я разговаривала с венданской женщиной, и, наверное, догадался, что я тоже оттуда.

– Пять грало за штуку.

Пять грало. Даже будучи иностранкой в этих краях, я знала, что пять грало – это целое состояние.

– Понятно, – ответила я, будто раздумывая над ценой.

Внезапно я схватила один из апельсинов, подбросила его в воздух и с громким шлепком поймала на ладонь. Брови торговца нахмурились. Он уже открыл рот, готовый рывкнуть, но тут я схватила еще один, и еще, и еще, и начала жонглировать ими в воздухе. Продавец забыл, что собирался сказать, и застыл на месте с разинутым ртом, следя за мельканием оранжевых фруктов.

Я смеялась. Я веселилась, даже когда в меня вонзался нож – каждый раз один и тот же. Чем больше я истекала кровью, тем быстрее кружились апельсины и тем жарче горел

мой гнев. Я хохотала, потому что все это было частью фокуса. *«Обдури их. Пусть они поверят. Улыбайся, Кази. Это всего лишь невинная игра».*

Трюк с жонглированием я прибегала для самых подзрительных квотерлордов, тех, кто не испытывал ни жалости, ни сострадания к нищим. Даже если призом выступала лишь прогнившая репа или ломтик твердого сыра, чтобы набить пустой живот, риск потерять палец того стоил. Каждая победа помогала мне выживать в Венде, помогала продержаться еще один день. Умереть можно завтра – вот мой девиз. Сколько раз я гипнотизировала торговцев подобным образом? Я улыбалась, чтобы обмануть их, жонглировала, чтобы ограбить, привлекала толпу к прилавкам и бросала ей фрукты, чтобы отвлечь внимание и остаться непойманной.

Торговец попал под мои чары, а я тем временем продолжала хватать апельсин за апельсином, подбрасывать их и складывать в аккуратную кучу в другом ящике. Пока я болтала о чудесных апельсинах и о том, какие они прекрасные, лучшие из всех, что я когда-либо видела, один из них возвращался в ящик, а другой – опускался в мешок из рогожи у ног Рен. Как только четыре апельсина оказались в мешке, я бросила последний фрукт в кучу, создав идеальную пирамиду. Торговец смеялся, с удивлением рассматривал груды, не замечая ни одного недостающего фрукта.

– Твои апельсины прекрасны, но, боюсь, слишком дороги для моего кармана.

Он не обратил внимания, что несколько горожан пришли посмотреть на представление и теперь рассматривали его товар. Торговец протянул мне небольшой, поврежденный апельсин.

– Угощайся.

Поблагодарив, я направилась к повозке. Рен шла следом с мешком. Дети даже не догадывались, какой подарок их ждал. Подойдя к телеге, я вдохнула аромат подаренного фрукта, бросила его к остальным и спрятала мешок между другими припасами, чтобы они нашли его позже. Когда мы отправились дальше по улице к аптеке, намереваясь поговорить с остальными венданцами, я заметила надвигающуюся беду.

Навстречу, шатаясь, шла толпа молодых людей. Судя по их растрепанному виду, они провели безумную пьяную ночь. Тот, что шел в центре, даже не потрудился застегнуть рубашку – его грудь была наполовину обнажена. Он был высок, широкоплеч и вышагивал так, будто являлся хозяином улицы. Всклокоченные темно-русые волосы ниспадали на красные от алкоголя глаза. Я отвернулась, обменялась настороженными взглядами с Синове и Рен, и мы двинулись дальше. Карсен Белленджер, патриарх беззаконной семьи, – вот кто являлся моим пропускным билетом в Дозор Тора. А с этой группой неряшливых оболтусов не хотелось и связываться.

Глава пятая. Джейс

Я почувствовал толчок, и мгновение спустя мое лицо врезалось в пол.

– Просыпайся.

Я перевернулся на спину и увидел скамейку, с которой рухнул. Надо мной нависал Мэйсон. Я прищурился от яркого света, льющегося через окна таверны, и потянулся к голове, уверенный, что где-то в ней застрял тесак.

Хорошенько ругнувшись на Мэйсона, я протянул руку, чтобы подняться, но тут заметил кое-что интересное – она оказалась голой.

– Где моя рубашка?

– Да кто ее знает, – проворчал Мэйсон, поднимая меня за руки. Он выглядел так же плохо, как и я себя чувствовал.

Вчера вечером я купил выпивку для половины города и был уверен, что столько же купили и для меня. При назначении нового *патри* пышных коронаций не устраивали, хотя в данный момент это казалось лучшей идеей, чем прошедшие ночью обряды, – я не помнил и половины из них! Каждый хотел стать частью ритуала, который совершался лишь раз в несколько десятилетий, – если, конечно, повезет. Время для этого наступило слишком быстро.

Заметив на барной стойке рубашку, я, шатаясь и спотыкаясь, устремился к ней, пиная по пути спящих на полу Титу-

са, Дрейка и остальных.

– Поднимайтесь.

Ганнер застонал первым, схватился за голову, как и я минутой ранее, а затем его вырвало на пол. От жуткого запаха у меня скрутило живот.

– *Никогда больше*, – поклялся я себе. – *Никогда*.

– Подъем! – закричал Мэйсон, после чего обратился ко мне чуть тише: – В городе гости. Рахтаны, венданские солдаты. По крайней мере, так утверждает один из судей. Они что-то разнюхивают.

– *Сукин сын*, – тихо прошипел я, потирая висок. Я схватил полупустой кувшин с водой, побрызгал на лицо, накинул рубашку. – Уходим.

Улицы были переполнены. Совсем недавно собрали первый урожай, а это значило, что за прилавками Хеллсмауса появились крестьяне, торгующие сезонными плодами. Белленджеры следили, чтобы любая потребность горожан была удовлетворена. Торговцы приезжали не только из местных поселений, но и из других королевств. В Хеллсмаусе были рады всем, кроме венданских солдат, сующих нос в чужие дела. *Рахтаны*. Элитная гвардия королевы. Может быть, я все-таки смогу обратить это в нашу пользу.

– Вон, впереди. Должно быть, это они, – сказал Мэйсон, сверкая пьяными глазами.

Половина нашей компании до сих пор лежала на полу в таверне, но Ганнер, Титус и Тиаго шли вместе с нами. Я про-

тянул руку, дав сигнал остановиться: хотел понаблюдать и узнать, чем были заняты венданцы. Не похоже, чтобы они задавали вопросы. У входа в лавку стояла троица – все женщины. Одна из них... *жонглировала?* Я, не веря своим глазам, моргнул пару раз, решив, что судья, возможно, ошибся. Я бы охотно угостил эту девушку выпивкой, окажись она в таверне. И все же ее экипировка говорила о многом: на одном бедре висел меч, на другом – два ножа. У нее были длинные, ниспадающие на плечи черные волосы. Она смеялась, болтала с продавцом, продолжая жонглировать, а потом...

Я ударил Мэйсона.

– Эй, ты это видел?

– Что видел?

– Она апельсин стащила! – По крайней мере, мне так показалось. Я потер глаза, сомневаясь в увиденном. *Да! Она снова это сделала.*

– Пойдемте, – позвал я остальных, направляясь в сторону незнакомки.

Она меня заметила. Наши глаза встретились. Она смотрела так, будто я был букашкой. Затем кивнула подругам, и они ушли прочь.

Что за чертовщина?

Глава шестая. Кази

Венданцев – мужа и жену – мы встретили, когда они выходили из аптеки, и первое, что бросилось нам в глаза, – это усталость, поселившаяся в их взглядах. Уехать из Венды в неизвестность – нелегкий выбор, и все-таки это была их единственная надежда на лучшее. То, что они оставались в этих землях, доказывало лишь одно: они отчаянно ждали перемен. Места для поселений тщательно выбирались и заранее одобрялись каждым королевством. Обычно они располагались рядом с крупными городами, так как это помогало торговле, их росту и защите. Однако здесь все оказалось наоборот.

Не только крупные державы вроде Морригана и Далбрека хотели разделить венданцев, но и Малые королевства. Все опасались их численности и накопленной силы. И только королева никогда не считала это угрозой, все было правильно, с ее точки зрения. Люди искали лучшего будущего.

Если разногласия не разрешатся, без участия войск обойтись уже не удастся. Но прежде, чем придут войска, нам предстояло раскрыть одно темное дело. Любой намек на истинную цель нашей миссии мог спугнуть добычу, как это было раньше. *«Только не в этот раз»*, – сказала королева. Я видела, как призраки мелькнули в ее глазах. *«Призраки, они никогда не уходят»*, – подумала я тогда.

– Вы тоже не можете опознать мародеров? – спросила я.

– Нет, мы...

– Что происходит?

Я вздохнула. Группа пьяниц, очевидно, следовала за нами.

Я обернулась и посмотрела на раскрасневшегося лидера банды.

– Иди своей дорогой, мальчик, – приказала я. – Это не твоего ума дело.

Его глаза из налитых кровью превратились в пылающие.

– Мальчик?

Стоило ему сделать шаг ко мне, как я тут же поставила его на колени, толкнула к стене аптеки и приставила нож к горлу.

Его друзья бросились на помощь, но остановились, увидев, как острое лезвие вжимается в горло их главаря.

– Ты не ослышался, *мальчик*. Отзови своих несчастных дружков и проваливай отсюда, и, может быть, я не стану перерезать твое красивое горло.

Я чувствовала, как напряглись его мышцы, как приподнялось плечо. В нем закипала ярость. Тем не менее мой нож не спешил покидать его шею.

Тщательно обдумав мои слова, парень обратился к друзьям:

– Отойдите.

– Разумное решение, – ответила я. – Вы уйдете?

– Да, – прошипел он.

– Хороший мальчик, – добавила я, хотя теперь мне стало

ясно, что не было в нем ничего мальчишеского.

Я сняла нож с его пояса и оттолкнула. Он не стал протестовать, но и вставать не спешил. Повернувшись ко мне лицом, он махнул рукой остальным, чтобы те не двигались с места, ведь теперь, когда шея их лидера оказалась в безопасности, они были готовы броситься на подмогу. Секунды тянулись медленно. Парень внимательно меня изучал, словно запоминал каждый сантиметр лица. В его взгляде пылала жажда мести. А потом он поднял руку. Рен и Синове тотчас схватились за оружие, но проходимец лишь откинул густые волосы с лица, а затем, все еще сверля меня глазами, улыбнулся.

По моему позвоночнику пробежал холодок. Подобные улыбки вызывали во мне беспокойство, потому что всегда означали что-то большее. Но парень только кивнул в знак прощания и протянул:

– Приятного пребывания в Хеллсмаусе. – А затем развернулся и направился прочь.

Его друзья устремились в противоположную сторону, будто главарь послал им безмолвный сигнал. Я прекрасно знала о тайных знаках: Рен, Синове и я часто их использовали, чтобы молча сообщать о своих намерениях. Но если он и использовал сигнал, я ничего не заметила.

Я задумалась на мгновение и вернула нож в ножны. Пока незнакомец удалялся среди уличной суеты, я не сводила с него глаз. Синове и Рен убрали оружие. Шум города, стих-

ший вокруг нас, когда произошла стычка, возобновился. Я повернулась к мужчине и женщине, но они оба стояли неподвижно с распахнутыми от ужаса глазами.

– Все в порядке, – заверила я. – Они ушли...

– Вы знаете, *кто* это был? – дрожащим голосом спросила женщина.

– Это был...

– *Патри*, – ответил ее муж, прежде чем я успела закончить.

До нашего путешествия мне дали четкое описание Карсена Белленджера: крепкий мужчина лет сорока, темно-каштановые волосы, темные глаза, шрам, проходящий через весь подбородок. Этот развязный грязный блондин не был на него похож.

– Насколько мне известно, нынешний *патри* – Карсен Белленджер, – сказала я. – Он...

– Мертв. Карсена Белленджера больше нет, – перебил мужчина. – Вчера скончался. Это был Джейс, его сын, новый *патри*.

Новый патри? Карсен Белленджер скончался? Вчера?

Нет. Этого не может быть. Они ошибались. Мне сказали, что Карсен молод, полон сил и здоров. Как мог...

Кольцо.

Сердце в груди сжалось. Конечно, на его пальце было золотое кольцо с печаткой. Я заметила золото, когда прижимала проходимца к стене. Но не придавала этому значения, так

как ожидала увидеть его на более зрелом мужчине.

В голове закружился водоворот мыслей. Я знала, как взбесится Натия, как заворчит Гриз, как королева уткнется лицом в руки.

Я сделала глубокий вдох. *Еще есть время, чтобы все исправить.* Раз Карсен Белленджер оказался вне игры, то его сын – наша следующая цель. Еще не все потеряно – даже, возможно, настало самое подходящее время.

Я посмотрела в сторону, куда он ушел. *Один.*

Он хотел, чтобы я последовала за ним. Мне говорили, что Карсен Белленджер обладал огромным самолюбием. Очевидно, яблоко от яблони не далеко упало. Его сын никогда бы не оставил просто так подобное унижение.

– Следите за улицей, – велела я Рен и Синове. – Не дайте его банде последовать за мной.

И после этих слов я устремилась за Джейсом.

* * *

Улица была тихой, странно безлюдной, сюда выходили задние фасады магазинов с мусорными баками у выходов и гигантскими деревьями. Тени пересекали вымощенную булыжником мостовую. Я не видела Белленджера, но точно знала, что он никуда не ушел. Он где-то затаился. Я чувствовала горячий след ярости, который он оставил за собой. Да, я хотела его разозлить, но не настолько, чтобы он убил ме-

ня, – такой поворот событий не входил в мои планы. Тишина стояла устрашающая. Я наполовину вытащила меч из ножен, прощупывая взглядом тени по обе стороны улицы. Прислушиваясь к звукам, я услышала чуть дальше по дороге шарканье, хрип и тихий стук, которые повторялись друг за другом. Я повернула голову, пытаюсь определить источник. Сделав еще шаг, я поняла, что звук доносился из пересекающихся улочек в нескольких ярдах впереди. Я осторожно шагнула вперед и увидела Белленджера, но не в том виде, в котором ожидала застать. Он был связан, с кляпом во рту. Кровь струилась с виска. Его держал огромный мужчина размером с Гриза.

Они оба меня заметили.

– Что происходит? – крикнула я, выйдя в переулок. Кровь на голове Джейса была настоящей – я знала, что это не розыгрыш.

– Не твоего ума дело, милочка. Убираю уличный мусор. Займись своими делами.

– Отпусти его. – Я обнажила меч.

– Нет уж. Он крепкий малый. За него можно получить хорошую выручку.

Недалеко позади них я заметила повозку с высокими бортами, заполненную сеном, на которое был накинута брезент. *Охотники за рабами?* Перед моими глазами пронеслось видение. Голос из далекого прошлого, который я не могла забыть, выбил воздух из моих легких. Я прищурилась, стара-

ьясь отогнать воспоминания.

– По приказу венданской королевы, требую, чтобы вы немедленно его отпустили. Он находится под стражей за нарушение договора.

Глаза Джейса Белленджера расширились. Он стонал, боролся с кляпом, но все было бесполезно: рука мужчины держала его крепко, точно в тисках. На мгновение я даже пожалела, что забрала у него нож. Будь при нем оружие, он бы избежал этого затруднительного положения.

Мужчина усмехнулся.

– Хочешь сказать, что он арестован? Ну, раз такие дела...

Его голос был полон сарказма. Воспоминания снова нахлынули волной. *«За тебя можно получить хорошую вырубку».*

Джейс застонал громче.

– Отпусти его! Живо! – приказала я.

Внезапно до моих ушей донесся звук. Я обернулась, но было уже слишком поздно: что-то твердое и тяжелое ударило меня по голове, и мои ноги подкосились. В тот миг, когда щека соприкоснулась с грязными камнями, я смутно увидела чьи-то сапоги. Они приблизились, шаркая, наступили на меч, который я не выпускала из рук. Я почувствовала, что у меня забрали оружие. Сапоги снова приблизились, но на этот раз носок с силой ударил меня в плечо.

А затем облачная дымка потемнела до черноты.

Я думала, что хуже уже не бывает. Очнувшись, я не открывала глаза, но пыталась сориентироваться, прислушаться к окружающим звукам. Я ощущала покачивания, легкие удары, чувствовала стекающие по груди струйки пота, пульсацию в голове и что-то острое, причиняющее боль запястьям. Осторожно я открыла глаза. Запястья оказались закованы в цепи, но что еще хуже – мои сапоги исчезли, и за лодыжку я была прикована к Джейсу Белленджеру.

Он сидел напротив, без кляпа, покачиваясь вместе с повозкой. Одну сторону его лица покрывала корка из засохшей крови, другая сторона блестела от пота. Он увидел, что я очнулась, и его лицо нахмурилось. Вероятно, в нем кипела ярость, и он фантазировал, как при первой же возможности меня прикончит. Я отвернулась, избегая его пристального взгляда, и передо мной открылся вид на заднюю часть повозки и просторы, среди которых мы ехали. Снаружи не было ни деревьев, ни улиц, ни гор, ни даже холмов. Мы находились посреди равнины, где нельзя спрятаться. Как долго я находилась в отключке?

Это был не просто неожиданный поворот событий.

Я неудержимо скатывалась в ад.

Глава седьмая. Джейс

Последнее, чего ожидали Ганнер и остальные, – моего исчезновения в повозке с сеном. *«Не отходи от стражи ни на шаг»*, – эту фразу моя мать повторяла сотни раз. Ее наставления казались таким же обычным делом, как и привычка смахивать волосы с глаз, выходя из Дозора Тора. Я слышал их с самого детства. *«Времена теперь нестабильные»*. Эти предупреждения предназначались не только для меня, но и для отца, и служили неким напутствием. Но мы так привыкли к ним, что перестали слышать. Нестабильность существовала всегда, а *стража* постоянно находилась рядом, как нож или меч. Все, что от них требовалось, – чтобы их видели. От остальных людей их отличали только титулы и мрачный вид. Мы с братьями умели драться, и мы всегда прикрывали друг друга. *Обычно* так и было.

Но этого мы никак не предвидели. Меня ослепила ярость. Я подал сигнал Мэйсону – едва заметный кивок. *«Уходите, иначе она не пойдет. Обойдите с другой стороны. Встретимся у конюшни. Пора остудить пыл рахтана»*. Пока я брел по улице, во мне кипел гнев. *Мальчик*. Она не знала, кто я такой, хотя прекрасно понимал, что не пройдет и минуты, как она выяснит правду и последует за мной. *«Проваливайте отсюда, и, может быть, я не стану перерезать твое красивое горло»*. В ее словах таился яд – и искренность. Она бы

точно это сделала. Ею что-то двигало. Но что? Она ведь даже меня не знала.

Но и я был не случайным прохожим. Это был *мой* город, где *она* не имела права разбрасываться приказами.

Уходя вниз по улице, я должен был догадаться о надвигающейся беде. Мой отец всегда предупреждал: *«Если что-то вызывает сомнения, то, скорее всего, там кроется угроза. Доверяй интуиции»*.

Меня что-то насторожило, но, учитывая ночные возлияния, я потерял бдительность. Желудок скрутило, меня вырвало. Пока я вытирал рот, в голове стучала наковальня, и я обвинял во всем ее. В тот самый момент охотник ударил меня, повалив на землю. Я не слышал, как он подошел, и даже не понял, кто он. Пока он затыкал мне рот и связывал, я подумал, что, возможно, он тоже рахтан. А потом он позвал другого мужчину, заявив, что за меня дадут хорошую цену.

Спустя миг появилась она и потребовала моего освобождения.

Теперь я смотрел на нее, лежащую рядом. Она не шевелилась все утро, и я сомневался, очнется ли она. Я не знал, почему пытался предостеречь ее об опасности. Возможно, видел в ней шанс на побег. Я знал, как быстро она двигалась: за долю секунды она выбила землю у меня из-под ног. Или, что более вероятно, мне стало ее жалко.

Пустой желудок ныл от голода. С тех пор как нас похитили, охотники не давали нам ничего, кроме воды. Грудь де-

вушки едва поднималась, а дыхание было настолько поверхностным, что порой я сомневался, жива ли она. Ее сильно ударили – на затылке появилась приличная шишка.

Когда она заметила меня в переулке, то замешкалась: кажется, ее что-то отвлекло. Требовательное выражение сменилось озадаченностью. Возможно, так случилось потому, что у нее из-под носа украли добычу?

Рахтан. Я вертел в голове это слово. Я видел рахтанов и раньше, еще в Радж-Ниваде, но ни один из них не был похож на нее. Они выглядели как убийцы, грубияны, и были очень *крупными*. Она же едва доставала мне до плеча. И уж точно они никогда не *жонглировали*. Странно. Может, она самозванка? Наемница Пакстона? Но ведь я слышал, что она говорила на венданском языке. Никто здесь не говорил, как она, за исключением других венданцев.

Веки девушки дрогнули. Она наконец пришла в себя, хотя глаза открывать не спешила. Ее грудь вздымалась, дыхание становилось более глубоким. Она не спала, а оценивала положение. Спроси она меня, я бы сказал ей напрямую: *«Все ужасно, хуже быть не может»*.

Отбросы вроде охотников давно не приближались к Хеллсмаусу. Они боялись Белленджеров. Но с появлением поселений они, вероятно, решили, что им можно пересекать границы города. *«Отдашь горстку – потеряешь все»*. Отец оказался прав. Поколения Белленджеров не ошибались. Но больше мы не отдадим и клочка земли.

Рахтан открыла глаза, сначала перевела взгляд на свои закованные руки, потом на наши скованные вместе лодыжки. Спустя мгновение наши взгляды встретились. Я молчал, но пристально смотрел на нее, пытаюсь оценить ситуацию.

«Все еще планируешь меня арестовать? Вряд ли получится».

Всю ночь я пытался ослабить цепи или взломать замки с помощью щепки, которую отковырял от повозки. Замки оказались надежными – мы накрепко застряли.

Девушка, повернув голову в сторону равнины, впервые вздрогнула. Если это и был страх, она быстро его заглушила. Она подтянулась, прислонилась к борту повозки, сморщилась от боли. Возможно, упав на камни, она заработала перелом. Половина ее лица по-прежнему была покрыта грязью. Оглядевшись, она наконец заметила остальных похищенных – всего нас было шестеро.

– Добро пожаловать на вечеринку, – съехидничал я.

Она смотрела на меня, не выказывая волнения. Ее глаза напоминали две дымчато-золотистые луны. Взгляд – пронизательный, живой. Или, возможно, это был результат удара по голове. Ее пристальное внимание переключилось на скованные руки и лодыжки, и какое-то время она не сводила с них взгляд. Очевидно, положение дел выводило ее из себя. Даже если она и надеялась спрыгнуть с повозки и убежать, я оставался ее якорем. Она осмотрела остальных. Ноги были скованы только у нас, – возможно, из-за того, что мы оказа-

лись в задней части повозки, — но руки — у каждого. Лица похищенных были пустыми, подавленными. Я узнал двух горожан из Хеллсмауса: одного из бондарни, второго — из кузницы. Взгляд рахтана переместился на кучера. Она долго его изучала, а потом подняла подбородок — как тогда, когда велела мне катиться к чертям. Я знал, что сейчас что-то произойдет.

— Кучер! — позвала она. — Останови повозку. Мне нужно в туалет.

Кучер, расхохотавшись, крикнул через плечо:

— Ты пропустила остановку, милочка. Если тебе нужно сходить — дуй под себя.

— Я не хочу под себя, — возразила она.

— А я не хочу слушать твоё нытьё. Заткнись уже!

Глаза девушки сузились.

Я подтолкнул её ногой и беззвучно промолвил: «*Не надо*».

Кучер избил одного из заключённых до потери сознания, когда тот не перестал стонать, а я не хотел, чтобы она испортила мой план побега. Я заметил топор под сиденьем извозчика. При хорошей возможности до него вполне можно было дотянуться.

Её глаза... *улыбались*? Да что с ней такое? Неужели она полезет на рожон?

— *Не суйся к нему*, — прошептал я сквозь стиснутые зубы.

— Кучер, я хочу в туалет. Очень хочу.

Тот, явно разъяренный, обернулся, но, прежде чем он

успел заговорить, девушка продолжила:

– Остановишься – я кое-что тебе подарю.

Гнев кучера плавно сменился усмешкой.

– Я уже снял с тебя все ценные вещи. Меч. Ножи. Жилет. Модные сапожки.

Она наклонилась.

– Как насчет загадки? Сможешь занять свой ум на протяжении долгих, тоскливых миль. Это же настоящее сокровище, а?

Выражение его лица немедленно изменилось. Несомненно, любое предложение, содержащее слово «*сокровище*», привлекало его жадное внимание. Учитывая, что ничего материального при ней не осталось, приз в виде загадки его тоже заинтересовал.

– Давай свою загадку.

– Сначала я справлю нужду.

– Сначала ты загадаешь загадку.

Рахтан села.

– Так и быть. Но предупреждаю, ты не получишь ответ, пока я не помочусь.

Он кивнул, довольный сделкой.

Я наблюдал, как она умело прижимала его к стене, но не был уверен, какова была ее цель. Все это ради того, чтобы справить нужду? Мне в это не очень верилось.

– Слушай, – приказала она. Голос ее был веселым, будто она участвовала в розыгрыше.

– *Мой взгляд – точно меч, покров – чешуя,
Я ловкий, прыгучий, но ты быстрее меня.
У меня две ноги, хотя я не умею стоять,
В голове лишь песок могу собирать.
Я выдыхаю огонь, да только свет мой неяркий,
Поймать меня сможет практически всякий.
В груди моей пусто, сокровищ там нет,
И я не печалюсь – такой мой ответ.
Я меньше нуля, но больше него,
Ответь на загадку и скажи мне, я – кто?*

– Ящерица! – закричал кучер.

Он сделал еще несколько предположений, концентрируясь на одной подсказке, но не собирая их вместе. *Пустыня! Лошадь! Дракон!* На каждую отгадку она отвечала «нет», а он сердито ерзал на сиденье и требовал повторить вопрос. Она повторяла, но на все его ответы девушка категорично отвечала «нет». Чем больше росло его разочарование, тем непринужденнее она становилась. Она сидела, раскинув руки, и постукивала пальцами, как будто находясь в предвкушении.

– *Сдаюсь! Что это?* – завопил он.

– Сначала остановка, – напомнила она.

Пробормотав несколько проклятий, кучер закричал «п-р-р-р!», одновременно натягивая поводья.

– Остановка! – предупредил он охотников, которые ехали

впереди и разведывали дорогу.

Лицо кучера побагровело от ярости. Он спрыгнул с сиденья и шумно зашагал к задней части телеги. Похоже, он намеревался *выбить* из нее ответ.

– Скажи ему! – прошептал я. – *Я не хочу быть прикован к кровавому месиву!*

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Я справлюсь, мальчик-красавчик.

В голову закралась мысль: не потеряла ли она рассудок, получив удар по голове? Она потянулась, вытащив из брюк край рубашки. В тот же момент появился кучер.

– Говори, – прорычал он. – Говори! Дела свои сделаешь *после!*

– Откуда мне знать, что...

Он схватил ее за плечи, толкнул. А она... налетела на него, едва уловимым движением сняла с его брюк ключи, а потом без лишнего шума засунула их под рубашку.

– Так и быть! – уступила она. – Хорошо! Я скажу ответ.

Он оттолкнул ее, ожидая.

– Дурак. Пустоголовый дурак. – Девушка жеманно склонила голову. – А я-то думала, что *ты* отгадаешь.

Кучер уловил намек. Его рука тотчас взметнулась, и кулак ударил ей в челюсть. Девушка упала.

Кучер уставился на нее.

– И кто здесь дурак? Я получил ответ, а вот *ты* осталась без туалета. Обмочись, стерва!

Он вернулся на место и снова погнал лошадь вперед.

Девушка села, потихоньку приходя в себя. Из уголка ее рта струилась кровь. Наши глаза встретились. Никто из заключенных даже не заметил, что она сделала.

Рахтан указала на мои руки. Я наклонился, а она тем временем достала ключи из-под рубашки и медленным, осторожным движением открыла замок на моих цепях. Я тихо положил их на пол повозки. Остальные заметили – я прижал палец к губам, чтобы они не издали ни звука. Я взял у нее ключи и проделал то же самое с цепями на ее запястьях. Остальные беспокойно зашуршали и тоже протянули руки. Звон цепей поднял шум.

– Тихо там! – через плечо заорал кучер.

Мы все замерли. Спустя миг я осторожно освободил сидящего рядом мужчину. Он взял ключи и проделал то же самое с соседом.

Девушка, пнув меня ногой, кивнула на скованные ноги, однако ключи уже оказались вне пределов нашей досягаемости. Я махнул двум последним мужчинам, чтобы те передали ключи, но они впали в панику: у них никак не получалось попасть ключом в замки. Я прижал палец к губам, предупреждая их не шуметь. Один из них начал дергать руками и, всхлипывая, взмолился: «Скорее! Скорее же!» Другой наконец освободил его, но не раньше, чем кучер повернулся и увидел, что происходит в повозке.

– Разбегайтесь! – закричал я, надеясь отвлечь внимание

кучера.

Я бросился за ключами, которые выпали у мужчины из рук. Но не тут-то было. Люди, стремясь поскорее выбраться из повозки, бросились на нас, выбив ключи из моих рук.

Кучер закричал, предупредив охотников, и потянулся за топором. И я, и рахтан одновременно бросились за ключами, и я почти их достал, как вдруг она закричала: «Сзади!»

Я перекатился как раз в тот момент, когда топор расколол телегу в месте, где секундой ранее находилась моя голова. Мы с кучером схватились за рукоять, пытаюсь вытащить топор из пола повозки. Я поднялся на ноги, но держать равновесие было сложнее, так как одна нога по-прежнему была скована.

– Брось топор, ублюдок! – закричал я, отпустил рукоять и оттолкнул кучера в сторону.

Как только он пошатнулся, моя рука метнулась вперед, и я впечатал кулак ему в горло. Его глаза выпучились, а спустя мгновение он повалился с повозки, не в силах сделать вдох. С кучером было покончено, но не успел я опомниться, как всадник с булавой в руке устремился в нашу сторону, удвоив скорость галопа. Его взгляд был прикован ко мне.

Девушка, схватив ключи, пыталась открыть замок на лодыжках. Но я понимал, что времени на кандалы у нас не было.

– Бежим! – закричал я, схватив ее за руку и потянув за собой.

Как только наши ноги опустились в грязь, прямо над нами просвистела булава. Пока лошадь охотника взбивала копытами землю, мы скользнули под повозку — в тот же момент булава расколола дерево над нашими головами. Мы переползли на другую сторону и побежали, неуклюже наступая на связывающую нас цепь.

— Сюда! — закричал я.

Охотник почти нагнал нас, но я знал, что ждет впереди. Оставалось только молиться, чтобы девушка-рахтан не отставала. Споткнись мы — и нам конец. Но, как бы сильно я ни боялся, она держалась на высоте. Цепь между нами лязгала, девушка мчалась, крепко сжимая в руке ключи. Вскоре равнина уступила место длинному, крутому склону, ведущему к реке. В прыжке мы бросились вниз и покатались, кувыркаясь по рыхлой грязи. Кандалы врезались в ноги; мы то удалялись друг от друга, то снова сближались, не в силах прервать падение, пока не оказались на плоском гребне над рекой.

— Ключи! — крикнула девушка.

Ее ладонь оказалась пуста. Она выронила их во время падения.

Мы отпрянули друг от друга, поднявшись на ноги. Наши лодыжки кровоточили в местах соприкосновения с кандалами. Мы стали оглядываться в надежде увидеть блеск ржавого ключа.

— Дьявольский ад! — прошипел я, увидев, что всадник преодолевал крутую насыпь, продолжая преследование.

– *Фика видэ*, – ругнулась девушка, оглядываясь в поисках спасения.

Бежать было некуда, только в реку, а это был долгий путь вниз.

– Плавать умеешь? – спросил я. – Не хочу, чтобы мертвый груз тянул меня под воду.

– Пойдем, мальчик-красавчик, – позвала она, глядя на меня.

А затем прыгнула, увлекая меня за собой.

Глава восьмая. Казн

Умела ли я плавать?

Умела, но плохо. В Санктуме представлялось мало возможностей для плавания. Великая река была слишком холодной и бурной. Как рахтан, я прошла короткий курс плавания, но дальше основ не зашла – да и практиковаться было негде.

И тем не менее, несмотря на неопытность, вопрос Белленджера и его едкое замечание задели мое самолюбие. Мертвый груз потянет *его* под воду? Вообще-то это *он* отдал ключи заключенным *до того*, как освободить нас. Это *он* столкнул нас с насыпи, из-за чего я выронила связку.

Охотник приближался довольно быстро. За ним следовала подмога с оружием наготове и намерением проломить нам головы – или, по крайней мере, лишить чувств, чтобы вернуть нас в повозку. Другого выбора не оставалось. До реки было еще далеко, однако *на этот раз* я не замешкалась: схватив за руку Белленджера, я прыгнула вниз и потащила его за собой.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем наши тела достигли воды и пробили твердую – к моему удивлению – поверхность. Получив мощный удар в ребра, мы оба продолжили барахтаться в бурном потоке. Я понятия не имела, в какую сторону плыть; легкие разрывались от недостатка воз-

духа. Я била ногами, пыталась выплыть на поверхность, но все мои старания заканчивались лишь тысячью пузырьками, вспышками света, вихрями темноты и удушьем. Едва сдерживаясь, чтобы не вдохнуть, я внезапно почувствовала, что меня схватили за руку. Пальцы впились в мою плоть и рывком подняли на поверхность.

– Прислонись ко мне! – кричал он, пока я задыхалась. – Скрести ноги! Вытяни их вперед!

Джейс дернул меня так, что я оказалась между его руками, прислонившись спиной к груди. Вокруг бушевали неистовые пороги, пытаясь затащить нас в подводное царство, но Белленджер бесстрашно выправлял наш курс. Мы неслись вниз по реке, словно лодочки из опавших листьев. По обеим сторонам тянулись берега – и они, казалось, находились не так далеко от нас. Но из-за валунов и стремительного течения выбраться на них не представлялось возможным. Брызги летели мне в рот, в нос – я захлебывалась водой. Но крепкие руки уверенно держали меня, прижимая к груди всякий раз, когда я пыталась отпрянуть.

– Прижмись ко мне, – потребовал он. – Мы будем плыть по течению, пока река не расширится. Как только течение успокоится, мы выберемся на берег.

Я понимала, что в тот момент его жизнь зависела от меня, а моя жизнь – от него. И мы могли запросто друг друга утопить. Радовало лишь то, что мы стремительно отдаляемся от охотников.

Наконец течение замедлилось, на смену валунам пришли каменные берега.

– Потерпи чуть-чуть, – подбадривал он, прижимаясь к моему лицу. – Нужно убедиться, что охотники не смогут нас выследить.

От утеса, с которого спрыгнули, мы удалились на целую милю, а то и больше. Мои ноги гудели от напряжения. Какое же облегчение я испытала, когда поняла, что Белленджер начал двигаться в направлении песчаного берега.

Вскоре под ногами появилось дно, и вот мы рухнули на берег, едва дыша. Мои волосы приклеились к лицу и спутались. Сердце в груди неистово колотилось. Я оглянулась. Джейс лежал рядом на спине с закрытыми глазами. Грудь его вздымалась, с волос струилась вода.

Возможно, одна опасность и миновала, но теперь я была прикована к другой – да еще и неизвестно где. Хотя я и не собиралась играть в друзей, я отдавала себе отчет в том, что оружия у меня больше не было. Впрочем, как и у него. И все же между нами имелась существенная разница: он был крупнее, сильнее меня, и я видела, на что способен его кулак. Что ж, похоже, предстояло заключить временное перемирие.

– Что теперь? – прохрипела я, отдышавшись.

Лежа на спине, Джейс повернул голову, одарив меня испепеляющим взглядом. Его глаза были яркими, темными-карими, почти как земля, на которой он лежал. Любой намек на похмелье давно исчез.

– Идеи есть? – спросил он.

Что это было – сарказм или юмор? Возможно, и то и другое.

Он не сводил с меня глаз. Я чувствовала, как волнение сдавливало мои легкие.

– Слушай, я знаю, что тебе не нравлюсь. Ты мне тоже не нравишься. Но пока мы скованы, нам придется друг друга потерпеть.

Джейс моргнул.

Сарказм. Определенно. И отвращение.

Он поднял голову к небу, словно обдумывая сказанное.

– У тебя имя есть? – спросил он, не глядя на меня.

Я молчала. Мне казалось рискованным сообщать ему личную информацию. Хотя это ведь я предложила, чтобы мы стали на время партнерами.

– Кази, – отважилась я. Я ожидала, что он начнет насмехаться.

– А фамилия?

– Венданцы не носят фамилий. Вместо фамилий мы используем название места, где живем. Меня зовут Кази из Брайтмиста. Это один из районов в Санктуме.

Глядя в небо, Джейс тихо повторил мое имя, однако отвечать не стал. Скорее всего, думал, как избавиться от нежелательной компании, и наверняка пожалел, что у него не было топора. Думаю, он бы с радостью отрубил мне ногу, чтобы освободиться.

Наконец он встал, протянул мне руку, ожидая, что я ее приму. Я осторожно ухватила за его запястье. Он помог мне подняться на ноги, но вместо того, чтобы отпустить, притянул ближе.

– У меня тоже есть имя, пусть ты и любишь называть меня мальчиком-красавчиком. – Он смотрел на меня сверху вниз. – Джейс Белленджер, – представился он. – Но ты, вероятно, и так знаешь, раз собиралась меня *арестовать*.

Несколько напряженных секунд спустя его хватка так и не ослабла. Взгляд помрачнел, словно на небо нашли дождевые тучи. Кажется, наше перемирие начиналось неуверенно.

– Не сразу. Я бы задала вопросы, рассмотрела обвинения, и только *тогда* вызвала бы тебя для дальнейшей беседы.

– *Вызвала бы меня?* Хеллсмаус – мой город. Кем ты себя возомнила?

«*Твоим худшим кошмаром, Джейс Белленджер*», – проворчала я себе под нос, но ответила спокойно:

– Ты хочешь выбраться или нет?

Джейс нервно вдохнул, но ничего не сказал.

Белленджер отпустил мою руку и посмотрел по сторонам, оценивая наше положение.

– Так и быть, Кази из Брайтмиста, давай искать путь на свободу. – Его взгляд скользнул по хребту на противоположном берегу, потом вернулся к лесу позади нас. Джейс указал налево. – Насколько я помню... – Внезапно он покачал головой, и его палец сдвинулся немного правее. – Нет. В *той*

стороне, где-то в ста милях отсюда, находится поселение, куда мы можем отправиться, не пересекаясь с охотниками.

Сто миль? С цепями на ногах, босиком, без оружия и еды?

С человеком, который заслуживал столько же доверия, сколько хитрый торговец?

Как бы то ни было, но Белленджер тоже хотел жить.

– Что за поселение? – спросила я.

– Единственное, которое здесь есть. Одно из *ваших*.

Джейс даже не пытался скрыть неодобрение.

– А где тогда Хеллсмаус? – спросила я, неуверенно глядя в указанном направлении.

– На другой стороне реки, где и охотники. Более чем в одном дне пути на восток. Верхом.

День? Неужели я так долго была без сознания? Будто в знак подтверждения мой желудок громко заурчал. Где-то далеко, на западе от Эйсландии, располагалось еще одно венданское поселение – Касвелл. Он был одним из первых и крупнейших поселений, где проживало несколько сотен человек. Несомненно, они обладали необходимыми запасами и ресурсами и могли мне помочь.

Джейс поднялся на ноги, бренча разделяющей нас цепью.

– А что? – вдруг спросил он. – Есть идеи получше?

Нет. На тот момент ни одной идеи меня не посетило.

– Пойдем в сторону поселения, как ты и предложил, – согласилась я.

– Минутку... – сузив глаза, протянул Джейс, а потом сде-

лал шаг ближе. — *Если* я приведу тебя к цивилизации, ты все равно вызовешь меня на дальнейшую беседу?

Что это было? Завуалированная угроза? *Если я приведу тебя к цивилизации?* Цепь, прочно связывающая нас, являлась счастливой гарантией, что меня не ударят дубинкой при первой же возможности. От Джейса веяло самодовольством и уверенностью. Для него это была игра. Вызов.

— Я буду последней дурочкой, если отвечу на вопрос. Учитывая свое положение.

Из его груди вырвался смешок.

— Ты будешь дурочкой, если *не ответишь*.

Я одарила Белленджера пристальным взглядом: я пыталась понять, где в его словах заканчивалась шутка и начиналась угроза.

— Давай так: прибыв в поселение, мы разойдемся.

— Договорились, — согласился он.

Поскольку мы не знали, когда снова найдем пресную воду, первым делом мы напились из реки. Потом я остановилась, чтобы поднять с земли несколько камней.

— Это мне? — спросил Белленджер, глядя на камень в моей ладони.

Я подняла глаза. На этот раз я точно знала, что он шутил: в его взгляде мелькнул намек на озорство. Джейс Белленджер оказался непредсказуемым, что только усиливало мои опасения. Квотерлорды, к примеру, отличались предсказуемостью. Их алчность была настолько очевидной, насколько

очевиден снежный день в зимнюю пору. С Джейсом каждый диалог походил на танец: шаг вперед, шаг назад, поворот. Мы оба вели в этом танце, пытаюсь предугадать следующее движение. Белленджер доверял мне не больше, чем я ему.

– Это кремень, – пояснила я. – А моя пряжка – огниво. Может, охотники и лишили меня ценностей, но пояс они оставили. Думаю, ночной костер нам не повредит.

Джейс опустил взгляд на мою пряжку – коричневый металлический овал в форме змеи, – а потом кивнул, одобрив мое предложение.

– Тогда и ужин пора присмотреть. – Он начал двигаться в сторону леса.

– Стой, – позвала я. – Отвернись и подожди.

– Что?

– Мне нужно в туалет. Отвернись.

– Мы только что были в реке. Нельзя было там справить нужду?

– Вообще-то я была занята. Пыталась спасти себе жизнь.

– Ты, верно, оговорила? Твою жизнь спасал я, пока ты наслаждалась плаванием.

– *Отвернись*, – приказала я.

– Спиной к тебе повернуться?

– Не волнуйся, – ответила я с ехидной улыбкой, – я не хочу быть прикованной к *мертвому грузу*. Ты в безопасности, мальчик-красавчик.

– Что? Даже загадки не будет?

Я сузила глаза.

– Быстрее. – Джейс медленно отвернулся.

Я, безусловно, делала и более унижительные вещи, но на тот момент не могла вспомнить, какие именно. Я быстро закончила. Из любой ситуации нужно извлекать пользу? Что ж, из данной ситуации извлечь выгоду будет нелегко.

Джейс повернулся и потянулся ко мне настолько резко, что я невольно вздрогнула и вскинула руку, готовая нанести удар.

– Эй! Полегче! – вскрикнул Белленджер, отступив назад. – Я лишь хотел взглянуть на твое лицо. У тебя там... фонарь горит.

Я подняла руку, потрогала челюсть. Жар свежего синяка тотчас дал о себе знать.

Джейс пожал плечами.

– Я не говорю, что лезть на рожон было ошибкой. Ты, в конце концов, добыла ключи. Однако все это навело меня на мысль: ты всегда добиваешься поставленной цели? Любой ценой?

Я одарила его настороженным взглядом.

– Не любой.

Но почти.

Глава девятая. Джейс

Я схватился за длинную ветку выброшенной на берег коряги, разломил ее на две части и протянул одну ей. Если понадобится, она будет служить и тростью, и оружием. На самом деле я сомневался, что охотники станут преследовать нас на реке. Для них мы были всего лишь товаром, и им ничего не стоило заманить в ловушку новые жертвы. Но не только охотники представляли угрозу. На этих землях водились и четвероногие хищники.

– Наточим их позже, – объяснил я.

Мы отправились через лес, лавируя в густом лабиринте желтых деревьев. Их называли деревьями духов. Стволы их были тонкими, не шире моей руки, но росли они тесно, превращая наш путь в движение зигзагом. Лесной покров представлял толстый ковер из гниющих листьев, мягкую подушку для наших босых ног. Мы знали, что вскоре легкая тропа закончится: впереди нас ждала река палящего песка. Но, если я правильно рассчитал темп, мы должны были преодолеть ее в ночной прохладе.

Возможно, указав дорогу к поселению, я рисковал. Я не представлял, насколько хорошо она знала местность. А если и знала, местные леса и плато мало чем отличались – перепутать дорогу было очень легко (особенно если учесть, сколько времени она провела без сознания). Но риск оправдался. В

конечном счете я выяснил, что она не понимала, где мы находились – на востоке или западе от Хеллсмауса.

Я заверил ее, что мы держали путь к венданскому поселению, иначе мне пришлось бы тащить ее на себе всю дорогу, что заняло бы куда больше времени. Нас и без того ждал изнурительный путь. Река сбила нас с курса, а цепь мешала нормальной ходьбе – особенно когда на нас не было обуви.

Узнай она, куда мы шли, она бы точно не была довольна (что, безусловно, потешило бы мое самолюбие). Но в любом случае выбора не оставалось: мне нужно было скорее вернуться домой. Сейчас наша семья как никогда нуждалась в сплоченности, требовалось продемонстрировать наше единство и укрепить позиции. Разведчиков уже отправили на дальние посты, чтобы предупредить приближение опасности. Хеллсмаус считался лакомым кусочком, поэтому династия Белленджеров находилась под постоянной угрозой уничтожения. Один только Пакстон чего стоил. Это был волк, идущий по следу крови. Если меня не окажется рядом, он тут же соберет стаю, которая последует за ним. То же касалось и других лиг. В случае моего отсутствия они быстро почуют наше уязвимое положение. Горожане начнут волноваться, думая, куда я пропал. Каждый день, каждая минута моего отсутствия только усугубляла и без того сложную ситуацию. Я знал, что меня будут прикрывать, искать, надеяться на лучшее, делать вид, что ничего не случилось. Я не сомневался, что организация похорон тоже не остановится. Но

мои пальцы впились в ладони, будто я сдерживался, чтобы никого не ударить.

Сегодняшний день — день подготовки отца к погребению. Моя семья, без сомнений, возьмет на себя всю работу. Завтра откроют гробницу, очистят ее и приведут в порядок, зажгут фонарь и будут читать молитву в ожидании погребения, а через две недели тело положат на камень для последнего прощания. А затем, когда гробница будет закрыта, жрица произнесет благословение над новым *патри*. Вот только меня там не будет. Гости, собравшиеся отдать дань уважения, удивятся моему отсутствию. Слухи начнут неумолимо распространяться, в результате чего волки разнюхают правду. Моя семья, мой город попали в беду — и все из-за нее.

Я не переставал задаваться вопросом, действительно ли она была рахтаном. Да, она была искусной, но не настолько сильной — даже если ей удалось заставить меня врасплох и прижать к стене. А жонглирование? Загадки? *Возраст*. Ее осанка и манера поведения принадлежали циничному солдату, но внешность никак не соответствовала образу воина. Она была молода. Я бы сказал, даже моложе меня. Черные волосы спадали густыми длинными волнами, а руки были хрупкими. Ее пальцы больше подходили для игры на пианино, а не владения мечом.

Или для воровства ключей.

Охваченный сомнениями, я вновь обратил на нее взгляд — только на этот раз незаметно. Щеки ее покраснелись, но она

не отставала от моего бодрого шага.

Я подумал о королеве и о последних словах отца.

«Добейся... чтобы она явилась. Другие... они заметят. Наше положение на континенте укрепитя».

Малые королевства не участвовали в битве, но все знали о войне между Большими королевствами и о королеве, которая привела значительно превосходящую по численности армию к поразительной победе. Для расследования нарушений договора она могла набрать любое количество опытных солдат или выбрать убийц из трех королевств. Почему она предпочла эту девчонку?

– Ты правда знакома с королевой? – полюбопытствовал я.

Взгляд ее загорелся, хотя ответ составил всего одно слово:

– Правда.

Даже в этой простой фразе я услышал сотню оттенков, большинство которых были надменными, снисходительными и высокомерными.

– Где вы познакомились?

Она взяла паузу, обдумывая ответ.

– Я встретила с ней, когда пришла на службу.

Ложь.

– Ты хорошо с ней знакома?

– Да, достаточно.

Дальнейшие мои вопросы вызвали более резкие ответы, и я не был уверен, что хоть один из них оказался правдой.

Я резко остановился, чтобы преградить ей дорогу. Я обе-

щал себе не задавать этот вопрос, но он не давал мне покоя:

– Почему я тебе не нравлюсь?

Она уставилась на меня в замешательстве.

– Прошу прощения?

– Когда мы были на берегу реки, ты сказала, что я тебе не нравлюсь. Я хочу знать причину.

Она закатила глаза, как будто ответ был очевиден, и попыталась меня обойти. Я переместился, чтобы преградить ей путь. Кази посмотрела на меня, и я заметил, что глаза ее были спокойными, как летнее море.

– Потому что ты мошенник, обманщик и вор. Мне продолжать? – Она даже не моргала.

Я ощутил напряжение в спине, но заставил себя выдать невозмутимый ответ:

– Разве это не одно и то же?

– И все же есть различие. Мы так и будем стоять?

Мы продолжили путь, шагая в ногу.

– Тебе виднее. Чтобы знать тонкости, нужно быть настоящим вором. Я видел, как ты украла апельсины.

Она засмеялась.

– Серьезно? Я за них *заплатила*. Ты и твоя банда головорезов были слишком пьяны, чтобы видеть дальше собственных носов. Я таких за версту чую.

– *Таких?* – Я расправил плечи, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. Она не уважала и не боялась Белленджеров, а я к такому не привык. – Ты ничего обо мне не зна-

ешь.

– Поверь, я знаю достаточно. Я прочитала длинный список ваших преступлений. Ограбление купцов. Набеги на караваны. Кража скота. Запугивание.

Я обогнал ее, вновь преградив путь.

– Ах, так вот оно что. Список с венданским душком. Ты хоть представляешь, как трудно здесь выжить, посреди всего и всех? В окружении королевских границ! Когда все кругом думают, что это их право – войти на твою территорию и взять все, что хочется! Когда наступают на тебя при малейшем признаке слабости! Мой мир не похож на твой. – Виски мои горели, голос повысился. – Венданцы сидят за высокими, безопасными стенами на дальнем краю континента, пишут договоры и обучают красивых умных элитных солдат, которые понятия не имеют, каково это – бороться за выживание! – Я снова понизил голос. – И ты, Кази из Брайтмиста, даже не понимаешь, какие неприятности ты мне причинила. Я должен быть дома, с семьей, защищать *их*, а вместо этого я здесь, прикован к тебе!

Моя грудь вздымалась от гнева, и я ждал язвительного ответа, но вместо этого она лишь моргнула и заявила:

– Возможно, я знаю о выживании больше, чем ты думаешь.

Зрачки ее глаз напоминали два глубоких черных колодца, застывших посреди янтаря. Ее напряжение выдавали лишь руки, которые будто намекали, что она способна в любой мо-

мент броситься в драку. У нее в сердце бушевала война, которую она сдерживала. Эта девушка, подобно ядовитой змее, отличалась невероятным самообладанием.

– Пойдем, – позвал я. Между нашими мирами лежала непроходимая пропасть. Бесполезно было пытаться заставить ее понять.

Мы шли в тишине, которую нарушал только грохот цепи. Ее невозмутимость раздражала все сильнее, потому что рядом с ней я терял самообладание – поведение, которое мне не было присуще. Одна из причин, по которой отец называл меня *патри*, заключалась в моем умении контролировать эмоции. Да, я не был самым старшим, но зато меня считали наименее импульсивным из всех. Именно эту силу и ценил отец. Прежде чем действовать, я всегда взвешивал преимущества и последствия каждого своего слова и поступка. Кто-то считал меня отстраненным. А Мэйсон с восхищением называл каменным ублюдком. Но эта девушка подтолкнула меня к грани безрассудства, которое я не осознавал, а спокойный ответ только толкал меня дальше.

И все-таки она что-то знала о выживании. Может, даже больше, чем я.

Держитесь друг друга. Только сплоченность спасет вас.

Я сдерживаю слезы, потому что другие смотрят, уже не на шутку напуганные. Я бросаю землю, траву и камни, пока его тело полностью не

исчезает. Это лучшее, что я могу сделать, хотя и знаю, что животные найдут его к ночи. Но к тому времени он уже будет далеко.

Сколько мне предстоит похоронить?

В порыве отчаяния и гнева я кричу.

Ни один из нас больше!

Гнев – приятное чувство. Он, точно оружие, спасает меня, когда больше ничего не помогает.

Я вкладываю палки в чьи-то ладони. Потом еще, и еще, и еще, пока даже у самого юного не оказываются заняты руки. Миандра сопротивляется. Я сжимаю ее руку, пока она не вздрагивает и не берет дубинку. Может, нам и суждено погибнуть, но точно не без борьбы.

– Грейсон Белленджер, 14 лет

Глава десятая. Кази

«Я должен быть дома, с семьей».

Белленджер молчал уже час.

Смерть его отца стала для меня неожиданностью, а теперь я выяснила, что этого не ожидал и он. Даже если Карсен Белленджер и был безжалостным разбойником, содержащим шайку негодяев, как сообщил король Эйсландии, он был отцом Джейса и скончался всего два дня назад.

Может, Джейсону и не было дела до меня, до моих симпатий, антипатий или колких слов, но он точно переживал за семью. Его отца должны были хоронить – или что там они делали с мертвыми в Хеллсмаусе, – а сына не было рядом.

В последние месяцы правления Комизара я наблюдала за Рен, когда она оплакивала смерть родителей. Я видела, как она падала на окровавленные тела, зарезанные на городской площади, кричала, чтобы они встали, била их в безжизненные груди и умоляла открыть глаза. Я видела Синове через несколько дней после гибели ее родителей, эти изумленные, ничего не видящие глаза, не знающие слез.

Странно было завидовать их горю, но я завидовала. Я завидовала, что они осознали смерть родных и могли оплакать их. К тому моменту моей матери не было в живых уже пять лет, и я никогда не горевала, никогда не плакала, потому что не видела ее смерти. Смерть подступала к ней медленно, в

течение месяцев и лет, пока я пыталась заработать на пропитание. День за днем каждая частичка ее существа угасала, и ничто не могло остановить этот процесс. В лачугах и домах, куда я пробиралась, отсутствовал даже намек на ее присутствие – ни амулета, ни запаха, ни звука голоса. Вскоре воспоминания превратились в размытые образы: теплые руки, обнимающие меня; пение за работой; слова, витающие в воздухе; палец, прижатый к моим губам. *«Т-с-с-с, Кази, держи рот на замке».*

Не упустил ли Джейс свой шанс погоревать? Ночная пьянка вряд ли считалась прощанием.

– Прими мои соболезнования, – промолвила я.

Его шаги замедлились, но он продолжал идти. Кивок был единственным ответом.

– Как он умер?

Челюсть Джейса сжалась. Он ответил быстро и отрывисто:

– Он был человеком, а не монстром. Он умер так, как умирают все люди.

Он все еще был зол. Он по-прежнему скорбел. И его ускорившиеся шаги дали мне понять, что тема закрыта.

* * *

Миновал еще час. У меня болели ноги – я едва поспевала за Джейсом. Кожа на лодыжке стерлась под кандалами: тонкая ткань брюк не очень защищала от трения тяжелого

металла. Я искала глазами лавровый папоротник или стебли желаний, чтобы сделать мазь, но в этом лесу, похоже, были только деревья.

– Ты хромаешь, – заметил Джейс, внезапно нарушив тишину.

Признаюсь, не эти слова я ожидала услышать. Впрочем, все в Белленджере казалось неожиданным. И это заставляло меня сохранять настороженность.

– Местность неровная, – солгала я.

Шаг Джейса замедлился.

– Как твоя голова? – спросил он.

Моя голова? Я подняла руку, осторожно нажала на шишку и сморщилась от боли.

– Жить буду.

– Я наблюдал за тобой в повозке. За твоей грудью. Мне казалось, что на какое-то время она перестала вздыматься. Я думал, ты умерла.

Я не знала, как реагировать.

– Ты смотрел на мою грудь?

Джейс остановился, неловко взглянул на меня. Он был молодым и совсем не похожим на безжалостного убийцу.

– Я имею в виду... – Он снова направился вперед. – Я просто хотел убедиться, что ты дышала. Ты лежала без сознания.

Я улыбнулась – где-то глубоко внутри, чтобы он не увидел. Наблюдать его волнение – приятная неожиданность.

– И с чего вдруг такая забота?

– Эй, мы вообще-то скованы, если ты забыла.

Суровая реальность.

– Да, точно, – подтвердила я, чувствуя себя немного подавленной. – Не очень приятно таскать за собой труп. Мертвый груз и все такое.

– А еще я знал, что от тебя будет польза. Я видел, как быстро ты...

Он сделал паузу, словно сожалея о признании, поэтому я закончила мысль за него:

– Как быстро я реагирую? Ты вспомнил, как я прижала тебя к стене в Хеллсмаусе?

– Да.

По крайней мере, в нем была доля честности.

* * *

Во второй половине дня мы наткнулись на ручей, поэтому решили остановиться и отдохнуть. Лес поредел; теней почти не было; солнце беспощадно палило. Джейс говорил, что совсем скоро мы выйдем из леса и пересечем пустынную равнину Хита. Я подняла голову, оценивая местоположение солнца. Оставалось всего несколько часов дневного света. Ночная прохлада была бы желанной, но страх открытого плато, огромного ночного неба и сна без палатки пробежался по моей спине предупреждающими когтями. Палатка.

В этой ситуации о ней смешно было думать. «Возьми себя в руки, Кази», – подумала я. Но все оказалось не так просто. Сколько бы ни пыталась, я не могла себя убедить.

– Может, нам стоит остановиться на ночлег? – предложила я.

Джейс прищурился на солнце.

– Нет. Мы сможем пройти еще несколько часов.

Я неохотно кивнула. Знала, что он прав: чем быстрее мы доберемся до поселения, тем быстрее я вернусь в Хеллсмаус. Нужно было предупредить остальных, что я – и наша миссия – живы. А ему не терпелось вернуться к семье. Несмотря на то, что мы тащили длинную и тяжелую цепь, Белленджер не сбавлял темп... пока не заметил мою хромоту. Но о чем я вообще думала, когда предложила ему переночевать на открытой местности под прикрытием нескольких тонких деревьев?

Я выдохнула, погрузила руки в ручей, обрызгала лицо, сделала глоток и представила, что уже через неделю окажусь в центре многолюдного города. Джейс встал на колени рядом со мной и полностью окунул голову в воду, обтирая лицо и шею. Когда он вынырнул и откинул волосы, я увидела порез над бровью, оставленный охотниками. Рана была небольшая, и засохшая кровь теперь исчезла с лица, но это навело меня на мысль: почему он хотел, чтобы я последовала за ним по пустой улице в Хеллсмаусе? Что он планировал сделать со мной до того, как его перехватили охотники? Не думаю, что

собирался пригласить меня на чашечку чая.

Я ополоснула шею и руки прохладной водой. Как бы хотела, чтобы ручей был достаточно глубоким для купания...

Но тут я уловила серебристую вспышку чего-то более желанного.

– Рыба!

В нескольких футах от меня десятки блестящих голянов шныряли в темной луже, образованной скоплением камней.

– Обед? – с надеждой пропел Джейс.

Мы не встретили ни ягод, ни грибов, ни белок. Единственной перспективой для ужина была вода, поэтому рыба, пусть и маленькая, подняла мне настроение, да и ему, похоже, тоже. Однако поймать этих скользких ангелов оказалось задачей не из простых.

– Снимай рубашку, – велела я. – Возьмем ее с двух сторон, как сеть, и загоним их в угол.

Джейс охотно стянул верх – теперь мое волнение по поводу рыбы сменилось дискомфортом. Я думала, стоит ли мне отвернуться. Но... мы были прикованы друг к другу, да и мной овладело странное любопытство. Он держал рубашку в руке, и я смотрела, как вода с его волос струйками стекала вниз, пересекая грудь, живот и их четко очерченные мышцы. Я сглотнула. Его точеное тело объясняло не только силу удара, которым он убил охотника, но и силу, с которой он прижимал меня к себе, когда мы оказались в реке. Крылатая татуировка порхала над его правым плечом, тянулась

по груди и вниз по руке. Во рту у меня внезапно пересохло. Окажись здесь Синове, она бы точно нашла, что сказать. Но мои мысли и слова застыли на языке.

Джейс поймал мой взгляд.

– Это часть герба Белленджеров, – объяснил он.

Теперь я смутилась и почувствовала, как запылали мои щеки.

Он поднес руку ко рту, пытаясь подавить улыбку, от чего я только сильнее скривилась. Я выхватила рубашку из его рук.

– Давай уже поймаем обед.

Глава одиннадцатая. Джейс

Чтобы поймать скользких ублюдков, нам потребовалось несколько попыток. Они были умны, легко проскальзывали мимо импровизированной сети, но в конце концов мы усовершенствовали технику: вместе мы развернули ткань и бросились на добычу. Я закричал от радости, когда мы поймали первый улов из двух рыбок, а после еще нескольких попыток на берегу скопилось с десятков тощих гольянов. Да, их было немного, но в тот момент мой желудок воспринимал их как сочного жареного поросенка.

– Будем готовить или сырыми съедим? – спросила она, поднося рыбу ко рту.

Я оттолкнул ее руку, прежде чем она успела ее проглотить.

– Будем готовить, – отчеканил я, не пытаясь скрыть отвращение. Последнее, что попало ко мне в желудок – это бочка эля, и я бы не хотел, чтобы в нем плескалась, извиваясь, рыба.

– Не смотри на меня как на дикаря, – огрызнулась она.

– Да нет, у нас просто разные вкусы. *Я предпочитаю нежную еду.*

Я занялся костром. Кази тем временем начала нанизывать рыбу на две палочки.

Пока гольяны шипели на огне, она снова посмотрела на

мою грудь, но на этот раз не спешила отводить взгляд.

– Это орел? – спросила она.

– Его часть.

– Расскажи о гербе. Что он обозначает? – поинтересовалась она. – Я не знала, что у вас есть герб.

Конечно, не знала. Она ничего о нас не знала.

– Трудно рассказать о гербе, не поведав историю Белленджеров, а я сомневаюсь, что ты захочешь ее услышать, учитывая твоё низкое мнение о нашей династии.

– А ты попробуй. Я люблю истории.

Я бросил на неё скептический взгляд. Но она ждала и была готова слушать.

– Все началось с первого Белленджера, предводителя всех Древних.

– Так уж и всех? – Её брови поднялись, показывая, что она готова спорить.

– Именно. Спустя годы после Последних дней...

– Ты имеешь в виду Опустошение?

Я знала о существовании множества версий, которые описывали месть богов миру.

– Будь по-твоему. После *Опустошения*. Ты так и будешь перебивать меня после каждого слова?

Она кивнула и молча слушала, пока я рассказывал о предводителе Древних, Аароне Белленджере, который собрал Выживших (большинство из них были дети) и повел их в место, где они могли жить в безопасности. Но не успели они

дойти до Дозора Тора, как на них напали падальщики, и он умер. Умирая, он поручил своему внуку, Грейсону, вести группу.

– Грейсон нашел этот символ у входа в убежище, когда они достигли Дозора Тора, – объяснил я, проведя рукой по груди. – Вернее, его прошлой версии. Он и сделал его гербом Белленджеров.

– Так значит, Грейсон – ваш первый лидер?

– Да. В четырнадцать лет ему пришлось заботиться о двадцати двух прежде незнакомых ему людях. Все они стали его семьей. Герб менялся на протяжении многих поколений, но некоторые части оставались неизменными, например орел и знамя.

– А слова? – спросила она, показывая на мою руку.

Я пожал плечами.

– Никто не знает, что они означают, это мертвый язык. Но мы дали им новое значение: «защищать и обороняться любой ценой».

– Даже если цена – смерть?

– Любой ценой – значит любой.

Я взглянул на небо. Оно стало сумрачно-фиолетовым с крапинками звезд.

– Поздно идти дальше. Придется разбить лагерь здесь.

Кази кивнула. Казалось, она почувствовала облегчение.

Солнце село несколько часов назад. Мы смотрели на костерок, потрескивающий у наших ног, и свет, мерцающий на желтых стволах деревьев.

— Я впервые вижу эти деревья. Их так много, и они такие тонкие, — сказала она.

— Легенда гласит, что лес вырос из костяной пыли и что каждое дерево хранит в себе запертую душу человека, погибшего во время Опустошения. Вот почему они сочатся кровью, когда их срезаешь.

Кази вздрогнула.

— Какой ужас.

Я рассказал несколько других легенд, менее жутких, о лесах и горах, окружающих Дозор Тора, и даже историю о тембрисах, которые стали подножием богов и хранили магию звезд.

— Откуда ты узнал эти сказания?

— Я на них вырос. Большую часть детства я провел под открытым небом, исследуя каждый уголок Дозора Тора, обычно вместе с отцом. Он и рассказал мне большинство из них. А как насчет тебя? Каким было твое детство?

Ее взгляд переместился на колени, а над бровями появилась морщина. Наконец она гордо подняла подбородок.

— Во многом как у тебя, — ответила она. — Я много времени

проводила на свежем воздухе.

Она закончила разговор, сказав, что нам, вероятно, пора спать.

Вот только спать она и не думала. Я вытянулся, закрыл глаза, но, когда их открывал, она все еще сидела, обняв руками колени. Неужели история о духах, запертых в деревьях, ее так напугала? Странно было видеть ее такой уязвимой. Раньше она вела себя агрессивно и уверенно, особенно когда загадывала охотнику загадку, бросая ему вызов и зная, что он ее ударит. Тогда я не заметил в ней ни капли страха, хотя все шансы были против нее. Но не уловка ли это? Может, она что-то задумала?

– Трудно заснуть, если не лежишь, – наконец сказал я.

Кази неохотно легла, но ее глаза оставались открытыми. Грудь поднималась в глубоких, контролируемых вдохах, будто она их считала. Руки дрожали, хотя ночь была теплой. Нет, это была точно не уловка.

– Тебе холодно? – спросил я. – Могу добавить веток в костер.

Она моргнула, словно стыдясь, что я заметил ее состояние.

– Нет, все в порядке, – заверила она.

И все же она была не в порядке.

Я изучал ее в течение минуты, затем попросил:

– Загадай загадку. Помоги мне заснуть.

Она замешкалась. Похоже, она была рада, что ее мысли

переместились в другое русло. Она перевернулась на бок, чтобы видеть меня, и устроилась поудобнее.

– Слушай внимательно, – прошептала она. – Я не стану повторять.

– Тебе и не понадобится. Я хороший слушатель.

Она говорила медленно, словно представляя мир за картиной, которую рисовали ее слова. Я следил за ее губами, пока она выговаривала каждое слово, за ее голосом, спокойным, мягким, уверенным, за ее золотыми глазами. Эти глаза не хотели, чтобы я что-то упустил.

*– Лицо мое полное, но в то же время худое,
Бледность свою я и при свете не скрою.
Я совам лесным песни шепчу,
Волчьими стонами в небо кричу.
Я – вечная странница, мой спутник – глаза,
И все же я в мире... навечно одна.*

Я уставился на нее и сглотнул. Мои мысли запутались.

– Ну? – спросила она.

Я знал ответ, но предложил несколько неправильных вариантов. Один из них даже заставил ее рассмеяться. Я впервые услышал ее смех, такой искренний, без всякого притворства. И он наполнил меня странным теплом.

– Луна, – наконец ответил я.

Наши взгляды встретились, и она, казалось, поняла, что я делал.

– Загадай еще одну, – попросил я.

И она загадала. И еще дюжину, пока ее веки не отяжелели и она не заснула.

Сердца свои закалите,

Ибо недруг извне – не единственный.

Враг среди своих – вот кто поистине страшен.

– Песнь Джезелии

Глава двенадцатая. Кази

Я проснулась, ощутив тяжелое давление на тело, тепло, ласкающее мою кожу... Руку, закрывающую мне рот? «Т-с-с-с. *Не шевелись*». Лицо Джейса нависло над моим.

Я дернулась, но он сильнее прижал меня к земле. А потом я услышала...

...шаги.

Хруст листьев.

Дыхание.

Рот Джейса прижался к моему уху и едва слышно прошептал: «*Только не вздумай двигаться*».

Листья зашелестели. Тяжелые, уверенные шаги снова заявили о чем-то приближении.

Небо над головой было темным. Свет только пробивался сквозь черную пелену. Мы едва могли разглядеть мрачные силуэты деревьев. Я почти не видела лицо Джейса, но слышала, как его сердце колотилось о мою грудь.

К нам приближалась колышущаяся черная гора. Каждый ее шаг вызывал во мне дрожь. Джейс не мог говорить, но я чувствовала, как напрягались его мышцы в попытке меня обездвигить. Мои инстинкты говорили совсем другое. «*Беги, Кази, прячься*». Но я замерла под его весом, чувствуя, как пот струился между нашими телами. Существо понюхало воздух и заметило нас. Его пасть, точно пещера с огромны-

ми зубами, широко раскрылась. По лесу прокатился страшный рев. Мои мышцы напряглись, но Джейс держал меня крепко, не позволяя двигаться. Существо подкралось к нам, так близко, что его тяжелое дыхание коснулось моей кожи. От него исходил ядовитый, удушливый запах, будто внутри него пылали адские печи. Он зарычал в знак предупреждения. Его рот попробовал воздух, попробовал нас; язык прошелся по моей коже. И вдруг он зарычал, почти разочарованно, и отвернулся. Мы не шевелились, пока над нами разгорался рассвет, но как только шаги существа окончательно стихли, Джейс наконец выдохнул и убрал руку с моего рта.

Он посмотрел на меня, не шевелясь и не отводя лица. Короткое мгновение растянулось, превратилось в долгие, застывшие секунды. Его грудь билась о мою. Джейс моргнул, взяв себя в руки, а потом скатился с меня и устроился рядом.

– Я не хотел наваливаться, – признался он. – Но у меня не было времени на сладкие пробуждения. Ты в порядке?

Была ли я в порядке? Страх, конечно, ослабевал, однако пульс не сбавлялся. Я все еще чувствовала давление его тела и жжение его кожи.

– Все хорошо, – прохрипела я. – Что это за существо?

Джейс рассказал о кандокских медведях и попытался меня успокоить, сказав, что те отдавали предпочтение рыбе. Но если медведь видел в человеке угрозу, спасения можно было не ждать. Обычно, если не делать резких движений, они не нападали.

Обычно. Теперь я поняла – все еще ощущая язык медведя на своем лице, – почему Рен так хотела разобраться в пищевых предпочтениях ракаа.

– Пора уходить, пока он не передумал, – позвал Джейс, поднимаясь на ноги.

Сделав два шага вперед и явно забыв о цепи, он споткнулся и упал.

– Черт. Я забыл об этой штуке.

Джейс встал, схватил рубашку с камня, куда положил ее сушиться накануне вечером. Я смотрела, как он одевался, видела, как чернильные перья на его коже исчезали под тканью. Я вдруг подумала, что он забыл о цепи и *мертвом грузе*, но *все равно* меня защищал.

* * *

За следующие несколько дней мы сумели войти в удивительно легкий ритм. Мы редко молчали, и за это я была благодарна. Джейс рассказывал о животных, обитающих в этом регионе. Среди них было несколько смертельно опасных, но с ними, к счастью, мне не довелось встретиться. Он надеялся, что мы наткнемся на холмик меймола – сочной, вкусной птицы, которая прокладывала туннели и гнездилась под почвой. Взглянув на заостренный конец своей трости, Белленджер заверил, что птицу нетрудно подцепить копьём.

– Откуда ты столько знаешь о местности? – изумилась я,

махнув рукой в сторону горизонта.

– Это территория Белленджеров.

– Здесь? Мы ведь более чем в сотне миль от Дозора Тора.

– Наверное.

Я хмыкнула, но ничего не сказала. Между нами возникла неловкая тишина.

Наконец он вздохнул, и ухмылка натянулась на его лицо.

– Ладно, Кази из Брайтмиста, дай мне определение слову «вор».

В его тоне не было злости. Скорее, это походило на искреннее желание понять меня. Интересно, а не размышлял ли он над этим вопросом с тех пор, как несколько дней назад я назвала его вором?

– Венданское определение ничем не отличается от других.

Ты берешь вещи, которые тебе не принадлежат.

– Например?

– Например, скот.

– Ты намекаешь на шотгорна, которого мы забрали у венданцев? Это была плата за незаконное вторжение.

– Вы не имели права даже на одного шотгорна. Но вы перешли все границы: вы сожгли их поля, разрушили загоны, забрали припасы.

Джейс покачал головой.

– Мы взяли только шотгорна. Все остальное, о чем ты говоришь, – приукрашивание поселенцев.

– Я видела своими глазами.

– Тогда это сделал кто-то другой. Не мы.

Я взглянула на его лицо, размышляя, не лгал ли он. На его шее дернулась жилка, и он, казалось, был захвачен новой информацией. Эта новость его заметно встревожила. Или, может, его беспокоила *я*?

Я не отступала:

– А как насчет торговых караванов, на которые вы совершаете набеги?

– Только в том случае, если они пересекают нашу территорию.

– То есть если они пересекают дорогу *тебе*?

Джейс замер и повернулся ко мне.

– И это тоже. – На его лице не было и намека на сожаление, а добродушный тон в мгновение испарился.

– Но ваши границы не определены. Вы не имели права селиться в Кам-Ланто. Вы нарушаете закон, закрепленный договором. Как вы можете претендовать на эти земли?

– Когда составлялся договор, с нами не удосужились посоветоваться. Дозор Тора находится здесь дольше, чем любое из королевств – включая Венду. И у нас есть границы, хотя, возможно, они проведены иначе, чем ваши. Они простираются настолько далеко, насколько необходимо, чтобы мы чувствовали себя в безопасности. Мы живем по нашим законам и выживаем благодаря им на протяжении веков. Венда не имеет права вмешиваться.

– А как насчет *вашего* вмешательства? Махинации в Хелл-

смаусе – это тоже один из законов?

Кожа на его висках покраснела.

– Хеллсмаус был нашим задолго до того, как стал частью Эйсландии. Мы построили город на руинах, и мы защищаем всех, кто там живет. Никому ничего не достается бесплатно.

– От *чего* вы их защищаете?

Джейс посмотрел на цепь между нами.

– Мне список составить? Наш мир отличается от вашего, Кази. Моя семья не обязана отчитываться перед Вендой.

Я уже хотела возразить, указав, что Хеллсмаус расположен в Эйсландии и защищать город – это обязанность *королевства*, а не Белленджеров. Но тут вспомнила, что моей главной целью было не просвещение, а добыча информации, в то же время парень начинал злиться. Я понимала, что совсем скоро мы вернемся к молчанию.

Он уже рассказал часть истории Белленджеров, но теперь мне стало интересно узнать и о его семье, о которой он не раз упоминал. Она была движущей силой в его жизни, и я задумалась о перспективе встретить семью головорезов, которые, возможно, укрывали опасного предателя. Зачем им предоставлять убежище преступнику? Скорее всего, это была сделка, ведь Джейс сам заявил, что бесплатный сыр только в мышеловке. Но какую выгоду они получили?

Я смягчила тон, пытаюсь перевести разговор в другое русло. Я уже читала язык его тела: прямая, натянутая линия губ, раздувающиеся ноздри, напряженные мышцы шеи, ши-

рокие плечи, заведенные назад. Когда дело касалось семьи, гордость и эго Джейса становились его слабостью. Мне нужно было докопаться до истины, так как для вора понимание недостатков противника – главное правило. А он *был* моим противником. И мне приходилось себе об этом напоминать, потому что Джейс Белленджер оказался не таким, как я ожидала, и какая-то часть меня находила его...

Я не могла подобрать правильное слово. Наверное, безопаснее всего было бы сказать, что я находила его *интригующим*.

Но когда Джейс говорил о семье, она вовсе не казалась его слабым местом. Кроме того, меня поразило число его родственников. В Венде ни у кого не было больших семей. *Никогда*. А у Джейса, кроме матери, было шесть братьев и три сестры. Также были тети, дяди и двоюродные братья. Еще больше родственников жили в городе. Он называл имена, но их оказалось слишком много, чтобы запомнить. Я лишь удержала в голове, что Ганнер и Титус были его старшими братьями, Прая – сестрой. Нэшу и Лидии было всего шесть и семь лет, и они являлись младшими из детей – слишком маленькими, чтобы присутствовать на семейных собраниях. Собрания, к слову, считались формальными мероприятиями, во время которых члены семьи собирались за столом, решали семейные дела и голосовали за важные решения.

– Еще есть Мэйсон, – добавил Джейс. – Он тоже мой брат. Ему девятнадцать, как и мне. Родители взяли его, когда ему

было три года. Его родных родителей нет в живых. Мы – единственная семья, которую он когда-либо знал. Он тоже голосует.

– И какова твоя роль?

– Я *патри*. Я принимаю окончательное решение.

– Даже невзирая на решение семьи?

– Да. Но, как ты заметила, я еще и дня не провел в новой роли.

– И ты, конечно, винишь меня.

Молчание – знак согласия.

Потом он добавил:

– Мне не следовало идти в тот переулок в одиночку. Но я ожидал встретить *тебя*, а не охотников. Именно поэтому я отозвал стражу.

– *Стражу*?

Джейс объяснил, что *стража* – это личная охрана. Она была у всех членов семьи.

– У тебя так много врагов?

– Имея власть, ты невольно обретаешь врагов. А у тебя? У тебя есть семья?

У меня перехватило дыхание. С тех пор как я потеряла мать, я воспринимала семью только как обузу. Даже сближение с Рен и Синове казалось мне ужасным риском. Мир был намного безопаснее, когда терять приходилось только себя.

– Есть, – ответила я. – Оба моих родителя живут в Венде.

– Какие они?

Я искала ответ, что-то, что заставило бы его прекратить дальнейшие расспросы.

– Счастливые. Довольные. И очень гордятся единственной дочерью, – добавила я, а затем перескочила на другую тему.

* * *

Хотя голод был мне знаком, наши запасы продовольствия были довольно скудными. Поэтому я так обрадовалась стеблям желаний на берегу реки. Меня удивило, что Джейс ничего о них не знал. В Венде их считали весенним лакомством, растущим в зарослях на болотах. Мы с мамой ходили их собирать за стены города. *«Расскажи свою мечту, Кази. Скаждым стеблем загадывай желание на завтра, на следующий день и на следующий за ним. Одно из них обязательно сбудется».*

Волшебство этого заключалось в том, чтобы найти в глубине души скрытое желание, облечь его в слова и бросить в таинственную неизвестность, способную тебя услышать. Хотя даже в шестилетнем возрасте я знала, что желания не сбываются, но все равно их загадывала. Это было удивительное чувство, такое же прекрасное, как редкий ужин из голубя и пастернака. На несколько минут желание вкладывало меч в мою руку и дарило власть над мраком мира.

Я выбрала несколько стебельков, молча загадала желания. Джейс смотрел на них, как на сорняки.

– А что еще они делают? Ну, кроме исполнения желаний...

Было очевидно, что Джейс Белленджер никогда в жизни не пропускал ни одного приема пищи, не говоря уже о неделе, проведенной без еды.

– Увидишь, – ответила я.

Мы сели на берегу, погрузив ноги в ручей, и я приказала Джейсу жевать стебель.

– Не ешь его, просто глотай сок, – предупредила я, объяснив, что сок не отличается от нектара и так же питателен. – Но настоящее волшебство заключается вот в чем. – Я взяла разжеванный стебель и расщепила его. – Дай сюда лодыжку, – велела я, указывая на наши скованные ноги.

Джейс вытащил ногу из ручья, и я приложила расплюснутый стебель к ране под кандалами.

– Скоро ты почувствуешь разницу. Свойство этого...

Внезапно я замолчала, подняла глаза и увидела, что взгляд Джейса был устремлен на меня, а не на лодыжку. Я замерла. Может, он хотел что-то сказать? Пока мы пристально смотрели друг на друга, я заметила в его глазах вопросы, но не такие, на которые могла бы ответить. Мое дыхание, казалось, остановилось в груди.

– Неловкая ситуация, правда? – заговорил он первым.

– Ты о чем? – спросила я, едва дыша.

– О моментах, когда мы не ненавидим друг друга.

Сглотнув, я отвела взгляд. Однако смотреть было не на

что. Момент становился все более неловким, а моя челюсть уже болела от напряжения. Джейс был прав. Ситуация и правда казалась странной. Кроме того, я не привыкла к близости: я умела лишь убегать, отдаляться, исчезать. Я не знала, как научиться оказываться с ним лицом к лицу, не имея при этом и трех футов пространства между нами. И я ненавидела себя за то, что находила его... *приятным*. Он не должен был мне нравиться, но я замечала мелочи, которые привлекали мое внимание: как его волосы ниспадали на глаза, когда он наклонялся, чтобы развести огонь; или как изгибалась его правая бровь, когда он сердился; или четыре маленькие веснушки на руке в форме буквы «J»; или как свет выделял щетину на его подбородке. Да, я была знатоком деталей, но *эти* детали выводили меня из равновесия. Мне не нравилось, что я находила его привлекательным. Не только его внешность, но и уверенность, расчет во взгляде, задиристость, его голос. Я ненавидела нелепое сальто, которое делал мой желудок всякий раз, когда ловила на себе его взгляд. Я не была Синове!

Но больше всего меня раздражало, что я нашла в нем доброту. Мне пришлось смириться с истиной: он *хотел* помочь мне заснуть в первую и последующие ночи. Те, кого в прошлом я обманывала и у кого крала, никогда не были добрыми. Именно поэтому я легко обманывала их и обкрадывала.

– Ты говорила о свойстве?.. – он попытался вернуть меня к теме разговора.

– Стебли обладают целебными свойствами.

– Тогда давай я наложу его на твою лодыжку.

– Я сама. – Я взяла разжеванный стебель и начала прикладывать его к лодыжке.

– Думаю, ты правильно приложила, – сказал он.

Я наконец оставила стебель в покое.

Несколько минут мы сидели молча, пережевывая стебли и ломая их пополам, чтобы засунуть в карманы. Джейс наклонился и взглянул на свою лодыжку.

– Жжение прошло. Спасибо.

Его голос... Я не ошиблась, услышав в нем участие.

Я кивнула и наконец почувствовала себя готовой взглянуть на Джейса.

– И тебе спасибо.

– За что это?

– За то, что держал меня, когда пришел медведь. Я запросто могла стать его завтраком.

Джейс нахмурился.

– Вряд ли. Один укус – и он бы тебя выплюнул. Ты даже близко не похожа на что-то сладенькое.

Я подавила улыбку. Мне было гораздо спокойнее от его пренебрежительных замечаний.

Джейс встал и протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

– Нам пора, Кази из Брайтмиста.

Я приняла его руку и встала.

– Похоже, тебе нравится меня так называть. Почему?

– Потому что я не уверен, что это твое настоящее имя.

Мне кажется, у тебя много тайных сторон. Ты жонглируешь, загадываешь загадки, заваливаешь парней и угрожаешь перерезать их красивые шеи.

Я сморщилась и покачала головой, оценивая его шею.

– Не такая уж она и красивая.

Джейс потер шею, будто обидевшись.

– Мне следует о чем-то знать? Что ты скрываешь?

– Если я расскажу, будет не так весело, правда?

– Мне стоит беспокоиться?

– Возможно.

Они обвели нас вокруг пальца. Их голоса были ласковыми, головы склонились. Они выглядели не опасными, а напуганными. Напуганными, как и мы.

Пока мы не открыли ворота.

Они ударили Разима ножом, рассмеявшись. Они оставили его умирать, и пока не ушли, мы не могли открыть дверь, чтобы забрать его внутрь.

Когда они убегали, я услышал имя одного из них. Однажды я стану сильнее. Однажды я назову его имя и убью.

– *Тео, 11 лет*

Глава тринадцатая. Кази

«Я не уверен, что это твое настоящее имя».

Странно, но мое имя, пожалуй, было чем-то наименее сложным и наиболее правдивым во мне. *Казимира из Брайтмиста.*

Моя мать была родом из Белвуда, северной провинции, и приехала в Санктум, как и многие другие, в надежде на лучшую жизнь. Вот только прибыла она туда с ребенком в животе и всего лишь с горсткой монет. Она никогда не говорила о моем отце. Я не знала, жив ли он, любила она его или ненавидела и знала ли вообще. Путешествовать в одиночку по бесплодным равнинам – опасное занятие. *«Его больше нет, Кази»*, – все, что она сказала, а я не стала донимать ее расспросами, ведь и без того она выглядела опечаленной.

Квартал Брайтмист располагался в северной части города. Матери удалось найти повитуху и незанятую лачугу, которая защищала от непогоды. На самом деле Джейс был не первым, кто сомневался в правдивости моего имени. Большинство из тех, с кем мы сталкивались в городе, никогда не слышали раньше имени Кази. Мама говорила, что это имя из горных районов и означало «весна». В другой раз она сказала, что оно означало «маленькая птичка», а еще – «божья посланница». Судя по всему, она вообще не знала его значения. Но когда матери не стало, имя перестало быть важным.

Кто или что я, превратилось в незначительную деталь. Как меня только не называли, чтобы прогнать: *отродье, мерзкий паразит, вредитель, дрянь!*

И так было до тех пор, пока я не заставила их *захотеть* моего присутствия.

Дело в том, что клеймо – это ложь, выдуманная история, в которую отчаянно хотят верить. Это фантазия, нуждающаяся в постоянной подкормке, – *ты добрее, красивее, проникательнее, мудрее, ты достойна*, – точно рыба, всплывающая к поверхности воды по следу хлебных крошек. Привлеките ее кусочком, двумя, а затем зацепите за жабры. Она будет без чувств, будет биться, не понимая, что потеряла, потому что раздутый желудок полон.

«Казимира», – иногда шептала я, ускользая с едой, спрятанной под плащом, потому что бывали дни, когда даже я забывала, кем когда-то являлась.

* * *

Чтобы развеять подозрения Джейса и убедить его, что я всего лишь солдат, мне пришлось сделать над собой усилие и рассказать ему об обучении и жизни в Санктуме. Но даже тогда мне приходилось тщательно корректировать правду. Обучение рахтана заметно отличалось от всех. Тренировки, лекции и зубрежка никогда не прерывались. Пожалуй, единственное, что мне не удавалось, – плавание, но лишь

из-за недостатка практики. Я была младше большинства новичков, и чтобы показать себя, приходилось работать вдвое усерднее. Здесь проблем не возникало. Самое трудное, чему мне пришлось научиться, – это спать на кровати, а не под ней. Чаще всего, чтобы не мучиться, я прокрадывалась с одеялом в потайной темный ход под лестницей.

Однажды ночью ко мне неожиданно пришла королева. Помню, как я тогда уставилась на пламя фонаря, чтобы не смотреть на нее: мне стало стыдно, что я пряталась в темноте. Она села на пол рядом со мной, потому что проход был слишком маленьким, чтобы стоять.

– В свое время я тоже здесь пряталась, – начала она. – В темном безопасном пространстве. Часто мной овладевал страх, что мои дни в Санктуме сочтены. Впрочем, я и сейчас боюсь: слишком много обещаний мне нужно сдерживать.

– Но вы сдержали свои обещания.

– Свобода не завоевывается раз и навсегда, Казимира. Она приходит и уходит, как и века. Мне нельзя расслабляться. Память слишком коротка, и я боюсь забыть.

Я тоже боялась.

Боялась забвения.

Но ничем из этого я не могла поделиться с Джейсом.

Когда он спросил, входило ли жонглирование в мою учебу, я только рассмеялась и сказала, что этому навыку научилась в другом месте.

– Где? – заинтересовался он.

Тогда я солгала, что меня научил друг.

– У тебя умные друзья.

– Так и есть, – подтвердила я, но больше говорить не стала.

На самом деле я была самоучкой. Что ж, иногда отчаяние – лучший учитель. Мне приходилось быстро оттачивать навыки, иначе я бы умерла с голоду. Но его замечание о друзьях заставило меня вспомнить о Рен и Синове. Они прибыли в Санктум через несколько месяцев после меня, обе попали в переделку и не имели близких родственников, которые могли бы вызволить их. Будучи одного возраста и узнав друг друга, пока жили на улицах, мы естественным образом сдружились. Через два года Кейден, хранитель королевы, решал, кто из нас будет проходить обучение и станет рахтаном. Он окинул нас долгим и строгим взглядом, пытаясь определить, перейдем ли мы все трое на следующий уровень. Удивительно, но его жена Паулина приняла нашу сторону. С тех пор мы тренировались и работали вместе.

Я надеялась, что они в безопасности и сидят где-то, пока Синове развлекает Рен рассказами о ракаа. Да, наш план провалился, но мои подруги отличались изобретательностью. Кроме того, у нас всегда имелся запасной план. К этому времени они наверняка поняли, что я покинула Дозор Тора.

– Как далеко поселение?

– Не уверен. Я забыл взять карту и компас. Достань свою и посмотри.

– Думаешь, мы правильно идем?

– Да, – категорично ответил Джейс.

Я не понимала, что его раздражало: мои вопросы или то, что мы держали путь в Касвелл, который находился на территории венданцев.

Он продолжал рассказывать истории о Дозоре Тора, которые, надо признать, приводили меня в восторг. Я ждала их с нетерпением. Сегодня утром он рассказал о Слезях Бреды, семи водопадах в горах Моро. Оказывается, они получили название в честь богини Бреды, которая пришла на землю и влюбилась в простого смертного Ариса. Их любовь была так сильна, что на месте их следов выросли цветы, прекраснее всех, когда-либо созданных богами. Но боги стали ревновать. Они запретили Бреде возвращаться на землю, а когда она ослушалась, то убили Ариса. Ее горе было настолько велико, что реки слез низверглись с небес и устремились вниз по горам, где они когда-то бродили, образуя водопады.

– У основания водопадов растут цветы, которые нигде больше не встретишь.

– Значит, история правдива, – заметила я.

Джейс улыбнулся.

– Возможно. Когда-нибудь я покажу тебе.

Наступила неловкая пауза. Мы оба знали, что он никогда не покажет цветы, но его слова прозвучали с такой легкостью, будто он говорил с другом.

Случались и другие неловкие моменты.

Вчера утром, например, я проснулась от того, что его рука

лежала на мне, а грудь прижималась к моей спине. Вероятно, желая согреться, он, сам того не сознавая, придвинулся ближе. Я лежала не двигаясь и думала о тяжести его руки, о тихом звуке его дыхания, о тепле его кожи. В ту злосчастную минуту я пыталась угадать, что ему снилось. Как только пришла в себя, я осторожно отодвинула его руку, пока он не проснулся. Я делала над собой усилие, уговаривала себя не прикасаться к нему. Думаю, он делал то же самое, но сон, как вор, украл наши намерения.

Пока мы шли, я засыпала его вопросами, но делала это так, чтобы они казались случайными. В основном я спрашивала о Дозоре Тора. Из ответов я узнала, что Дозор Тора – это обширный комплекс жилых домов и зданий, где располагались конторы бизнес-империи Белленджеров. Доходы его семьи поступали из нескольких источников, но Джейс не стал уточнять, из каких именно. Заметив его настороженность, я сменила тему, но мне все равно удалось выяснить, что значительная часть их капитала была создана благодаря бирже, куда съезжались покупатели и продавцы со всего континента. Началось все с зерна, выращенного в Эйсландии, но после заключения новых договоров между королевствами установились более крепкие связи, и с тех пор оборот биржи ежегодно увеличивался в три раза.

– Я все правильно поняла? – спросила я, используя самый насмешливый тон. – Ты говоришь, что вы извлекаете выгоду из новых договоров?

– В некотором роде. Но не настолько, чтобы мы отказались от собственной выгоды.

Он потерял палец в месте, где раньше был перстень. Я заметила этот тик Джейса. Он трогал палец, говоря о доме. Я представила, как он боролся с охотником, который пытался отобрать кольцо. Вряд ли Джейс отдал бы его без драки. Я считала, что ему повезло, раз у него вообще остался палец.

Я засунула руку в карман, нащупала теплый металл и подумала, не отдать ли ему кольцо. Впрочем, было уже слишком поздно. Он бы удивился, зачем я его взяла и почему так долго не отдавала. Ключи я украла, чтобы выжить. Но кольцо – совсем по другой причине.

Где-то за год до возвращения королевы все больше моих краж начали носить карательный характер. Это был гневный налог, собранный за ответы, которых я так и не получила; возмездие за все детские кончики пальцев, которые квотерлорды отняли и скормили свиньям. В основном эти кражи совершались ради вещей, не имеющих никакой ценности. Ими нельзя было набить брюхо, но они насыщали меня иначе.

Самой маленькой и бесполезной вещицей, украденной мной, стала блестящая латунная пуговица. О, как же ей гордился томакский военачальник! Она выступала на его животе среди длинного ряда таких же блестящих пуговиц – редкое сокровище, которое он купил у кучера из Превизи. Для меня они выглядели как толстые золотые заклепки, удержи-

вающие его живот. Кража средней пуговицы испортила весь вид. Я выслеживала его целую неделю. Я знала, когда он пройдет по узкому, людному переулку. Знала, когда толпы людей рванут ему навстречу. И ждала его там, надвинув кепку на глаза и держа в ладони маленький изогнутый клинок. Отсутствие пуговицы он заметил только тогда, когда дошел до конца переулка. Я услышала его пронзительный крик и не смогла не улыбнуться столь сладкому звуку. Вот в каком *ужине* я нуждалась.

Кольцо Джейса было так же бесполезно для меня, как и та пуговица, и я украла его по той же самой причине. Это был символ власти, наследие, которое они почитали, а я одним тихим движением отправила его на дно темного, грязного кармана.

Глава четырнадцатая. Джейс

Ее любопытству не было предела, и я с удовольствием питал его рассказами о Дозоре Тора. Однако я заметил кое-что необычное: когда речь заходила о *ее* жизни, она начинала говорить сдержанно и расчетливо. Когда ты час за часом, день за днем прикован к другому человеку, каждая пауза начинает носить скрытый подтекст. Я раздумывал о деталях, которыми она не хотела делиться.

Какой была ее жизнь в Венде? Или, точнее, что с ней *сделали*? Она явно не воспитывалась в счастливой семье, где оба родителя жили в мире и согласии. Ее будто всю жизнь держали в темнице. Она вздрагивала от солнечного света, вздрагивала от вида открытого неба. Как только мы вышли на плато Хита, она устремила взгляд в далекую точку. Плечи ее напряглись, словно она несла на спине тяжелый мешок. Когда я указал на парящего над нами орла, она едва удостоила его взглядом.

Я вернул разговор к теме, в которой она плавала как рыба в воде, — как быть солдатом. Она рассказала о различном оружии, которое ковалось для рахтанов: о ножах, о тцэзе, мечах, веревочных дротиках, арбалетах и многом другом. Хранители крепости оценивали, что лучше всего подходило солдатам. Когда она стала рахтаном, королева лично подарила ей меч и ножи.

– Ты когда-нибудь ими пользовалась?

Кази вскинула бровь.

– Ты хочешь знать, убивала ли я? Да, но пока только двоих. Я стараюсь избегать жестокой расправы.

«Стараюсь». Как непринужденно это слово сорвалось с губ девушки, у которой я каждую ночь выпытывал загадки, чтобы она могла заснуть под открытым небом.

– И кого ты убила? – продолжал я.

– Мародеров. – Рот ее скривился, будто она все еще испытывала отвращение от случившегося. – Мы следовали за караваном с припасами. Они не заметили нас, но мы прекрасно их видели. А ты? Ты когда-нибудь убивал?

Я кивнул. Гораздо больше, чем троих, но я не рассказал и был рад, что она не спросила.

Не раз она ловила на себе мой любопытный взгляд. Я пытался сосредоточиться на пейзаже, но глаза предательски возвращались к ней. Она очаровывала меня своими противоречиями и секретами. Я не мог налюбоваться девушкой, которая иногда выглядывала из-под суровой солдатской внешности, как в тот раз, когда она заметила стебли желаний на берегу реки. Забыв, кто я такой, она заботливо прижала растение к моей лодыжке. В другом мире, при других обстоятельствах, мы, вероятно, могли бы стать друзьями. Или даже больше.

Я знал, что думал о ней больше, чем следовало.

Я сконцентрировал взгляд на предгорье, пытаюсь заста-

вить себя вернуться к действительности. Я уже ездил этой дорогой, но никогда не проходил здесь пешком – в особенности босиком, в цепях, голодным. Было трудно оценить расстояние. Сколько еще осталось? Существовал ли шанс вернуться до того, как гробницу закроют? Что творилось в их головах? «Где, черт возьми, Джейс?» Несомненно, они послали поисковые отряды, но тело так и не было найдено. Я не сомневался, что рахтаны, которые были с Кази, находились под стражей у братьев и подвергались допросу. Мэйсон из кого угодно мог выжать информацию. Вот только спутницы Кази не догадывались, что с нами произошло. Они не могли знать об охотниках. Об этой истории было известно только мне и ей.

«Я видела своими глазами». В памяти все время всплывали ее слова. Сожженные поля, кража скота у поселенцев. Да, мы хотели их отпугнуть, и наш визит был не из приятных. Шотгорн стал предупреждением, чтобы они собрали вещи и ушли, но это было все, что мы взяли. Кто тогда забрал остальное?

Ганнер был импульсивным человеком, а дни, проведенные у постели отца, привели к тому, что мы эмоционально выдохлись. Ганнер всегда высказывал возражения против поселенцев громче, чем кто-либо из нас, но я был уверен, что он не стал бы буйствовать без моего согласия, хотя в то время я еще не был официально *патри*. В этих вопросах он подчинялся мне. Но если не он, то кто? Может, поселенцы

или Кази солгали?

Это была одна из причин, по которой отец назвал меня *патри*. Обычно я хорошо распознавал ложь, во всяком случае, лучше, чем мои братья. Однако умение распознавать ложь не обязательно открывало правду. Для этого нужно было копнуть поглубже.

Я *очень* хотел знать, что скрывала Кази.

Проклятье.

Я хотел знать о ней гораздо *больше*, что, в свою очередь, сулило неприятности. Мне нужно было, чтобы она и другие венданцы исчезли из моей жизни как можно скорее. Я надеялся, нам не придется долго оставаться прикованными друг к другу.

Я смотрел на неутомимую Кази. Ее темные ресницы отбрасывали тень; теплая кожа лоснилась. Мой взгляд задержался на ней слишком долго.

Что ж, возможно, неприятностей избежать не получится.

* * *

– Что это? – Волнение закралось в ее голос, будто она уже предвкушала то, что скрывалось в широкой полосе ослепительно яркого песка.

Мы взобрались на холм – вот где я понял, как сильно ошибся в расчетах. Мы пришли к полудню, а это значило, что песок был раскаленным. А мы шли босиком.

– Песок, – ответил я.

– Нет. Это *не* песок, – возразила она.

И она не ошиблась. Это были кости. Разломанные кости, в основном человеческие. Тусклые, испещренные следами зубы. Кое-где, словно белые лилии на сияющем пруду, проглядывали целые позвонки.

– Это Костяной канал, – продолжила Кази. – Говорят, песок течет из города, разрушенного во время вспышки первой звезды. У нас не получится пересечь его босиком посреди дня.

Волны жара взметнулись к небу. Кази глядела на них, словно на призраков, замурованных в песке и пытающихся выбраться наружу. Внезапно ее внимание переключилось на далекие предгорья, тянущиеся за песками. Там возвышались руины – наше возможное убежище. Но как перебраться через это раскаленное кладбище?

– Рубашки, – сказала Кази. – Давай обернем их вокруг ступней. – Она начала расстегивать свою. – Снимай тоже. Они обе нам понадобятся.

– Мы можем подождать до ночи...

– Нет, – отрезала она. – Я не собираюсь ждать посреди пустыни. Лучше доберемся до руин.

Она сняла рубашку, разорвала ее пополам. Под ней скрывалась тонкая сорочка, и я надеялся, что она снимет и ее. «*Дьявольский ад, возьми себя в руки, Джейс*».

– Снимай, – повторила она.

Мне не хотелось рвать одежду, но и ждать до ночи, пока пески остынут, тоже не хотелось. Кроме того, в летнюю жару можно было обойтись и без одежды.

Обмотав ноги несколькими слоями ткани, мы надежно завязали концы. Песок под ногами был раскаленным как печь, однако ткань делала свое дело и не давала ступням покрываться волдырями.

Идти было трудно, так как ткань стягивала лодыжки, но мы быстро приноровились и шли в ногу. Я пытался завязать разговор, хотел вспомнить какую-нибудь легенду, но мысли постоянно ускользали от меня. Я и раньше видел женщин с обнаженными плечами... Нет, дело было не в этом. «Она сол-дат, – напомнил я себе. – Рахтан. Девушка, которая при-ставила нож к моему горлу и была готова пустить его в дело».

Но и это не помогло. Тогда на полпути я попросил:
– Загадай загадку, Кази.

Она бросила на меня изумленный взгляд.

– Сейчас?

Я кивнул.

Кази задумалась на мгновение, а потом ее рука скользнула к животу, и она заговорила:

– Чем меньше я ем, тем больше расту,
Кричусь и верчусь, подобно шуту.
Меня трудно не слышать, как ни старайся,
Я вою и плачу, и ты не ругайся.

*Я прячусь во мраке, хотя след мой заметен,
За тощие руки и щеки в ответе.
Свирепые зубы и когти при мне,
И пасть, что разинута злобно во тьме.
Со мной только курица может возиться,
Прелестными ножками в перьях дразниться.*

Желудок подсказал мне ответ. Разговор о куриных ножках заставил зверя, свернувшегося внутри, поднять грустную голову.

– Обещаю, вечером зверь будет сыт, – сказал я.

Казалось, Кази меня не слушала. Ее правая бровь приподнялась, взгляд стал озадаченным.

– Что... это? – Она смотрела за мою спину.

Я обернулся. Вдалеке, на фоне ясного голубого неба, появилось облако. Нет, это было не просто облако. Я видел такие и раньше, но с безопасного расстояния. Толстая, раздутая рука поднималась в небо на несколько миль; мышцы, пурпурные, напряженные, выделялись на ней как у разъяренного монстра.

– Беги, – прошептал я.

– Но...

– Нас сейчас накроет! *Бежим!*

Ее убедила паника в моем голосе, и она бросилась бежать. Однако мы по-прежнему находились далеко от другого берега. Вдалеке уже блестели ползущие в нашу сторону серебряные пальцы воды.

– Быстрее! – торопил я.

Ноги стучали по песку; ткань начала развязываться, хлопать по лодыжкам, но времени на остановку не было. Мы уже видели стену из пены и воды, смертоносную волну, которая неслась к нам с огромной скоростью. Кази сбросила ткань.

– Беги! Не останавливайся! – кричала она, ступая ногами по раскаленному песку.

Я видел ее агонию и не мог оставаться равнодушным: я подхватил ее на руки и удвоил темп. Сердце в груди бешено колотилось. Стена неумолимо приближалась; ее рев напоминал звериный, а струйки уже впивались в мои лодыжки.

Мы добрались до противоположной стороны, но вода... поднималась безостановочно. Мои ноги увязли по колено, а нам еще предстояло подняться по крутому берегу. Я поставил Кази на песок. Вода уже поднялась нам по пояс, засасывая в течение. Мягкая почва скользила под ступнями, дождь лил на головы, но мы карабкались, цеплялись за все подряд. Но вода тоже поднималась вместе с нами. Мы втыкали трости в землю, спотыкались, уходя под воду, тянули друг друга, пока наконец не добрались до гребня и не рухнули на вершину насыпи. В ту же секунду смертоносная волна с грохотом пронеслась мимо нас.

Мы лежали на спине, задыхаясь, пока дождь хлестал по земле вокруг нас. И вдруг Кази захихикала. Короткие смешки перешли в залиvistый смех, и я засмеялся вместе с ней. Это была радость, облегчение, будто мы только что распра-

вились с чудовищем, которое уже держало нас в пасти.

А потом наш смех утих. Измотанные, мы слушали единственный звук – стук дождя. От влажной земли исходил жар. Я повернул голову, чтобы посмотреть на Кази. Ее глаза были закрыты, пряди волос прилипли к щеке, капли воды собирались в ложбинке у горла, маленькая жилка пульсировала на шее.

Я сел, потянулся к ее ноге, чтобы взглянуть на ступню. Сначала она вздрогнула, но потом позволила мне прикоснуться. Я осторожно провел большим пальцем по коже – там уже образовались волдыри. Тогда, не раздумывая, я потянулся в карман, достал стебель желания, пожевал его и прижал к ранам.

– Так легче? – спросил я.

Кази моргнула. Ее глаза избегали моих, грудь вздымалась в неровном дыхании. А потом она наконец ответила:

– Да.

Глава пятнадцатая. Кази

Пылал огонь, и запах жира, капающего с меймола, казался мне пьянящим, сладким, даже более тонким, чем те, что можно встретить на *рынке-джехендре*. Я вдыхала, пьянея от аромата, пока мой желудок бурчал в предвкушении.

Мои ступни по-прежнему были обернуты в стебли желаний – горячая пульсация, исходящая от волдырей, прошла. Из порванной рубашки Джейс сделал повязку, а потом понес меня к руинам. Я убеждала его, что могу передвигаться самостоятельно, однако он настоял, чтобы я позволила стеблям совершить волшебство. Мы нашли уютный темный закуток среди заваленных стен. Вдыхая аромат жареного меймола и наслаждаясь темнотой пещеры с низким потолком, я представляла, будто боги наконец сжалились над бедной несчастной Кази... или просто устали ее мучить.

Буря прошла быстро – так же быстро, как и началась. Как только мы достигли подножия руин, Джейс заметил несколько холмиков и со второй попытки сумел пронзить копьем меймола.

Когда птица прожарилась, мы сели есть, смакуя сочное темное мясо, обсасывая каждую косточку, шумно облизывая пальцы и рассказывая о наших любимых блюдах. Джейс упомянул такие, о которых я никогда раньше не слышала: тушеного кролика под сладким соусом, меренги с черникой, ту-

шенный бергу. Я удивилась, узнав, в Дозоре Тора было четыре повара, но готовила в основном его тетка. Я же рассказала о рыбном рагу Берди, которое считалось самым популярным блюдом в Санктуме.

– Я бы каждый день его ела, – нахваливала я это рыбное блюдо. – О, а еще пироги с шалфеем. – Я с тоской вздохнула.

– Никогда о них не слышал.

– Ты много потерял. Это райское блюдо способно поставить меня на колени. Оно популярно у бродяг.

– А апельсины? – Его рот растянулся в улыбке, пока огонь отбрасывал теплые отблески на его щеки. – Ты любишь апельсины?

Я ухмыльнулась.

– Люблю. Наверное, это самое вкусное, что я когда-либо пробовала. В детстве мне не доводилось их есть. Только когда я... – Я остановилась, пока не наболтала лишнего.

Джейс вскинул брови.

– Когда ты?..

– Только когда я поехала в Далбрек, я смогла их попробовать. В Венде нет апельсинов.

Джейс сверлил меня взглядом: он знал, что я лгала, и я ненавидела его проницательность. Он читал меня точно книгу.

Джейс молчал. Я подозревала, что он размышлял над сказанными или *невывказанными* словами. Наконец он спросил, как мои ноги.

– Уже не жжет. Думаю, к утру заживут.

Случился еще один неловкий момент: наши взгляды встретились, застыли, вновь разошлись. После всего, что мы пережили, между нами не должно было остаться неловкости. Но... Каждая пауза казалась переполненной, как мешок с зерном, треснувший по швам. Нас наполняло что-то, в чем мы не осмеливались признаться.

– Расскажи мне историю, – попросила я.

Он кивнул.

– Но сначала давай я принесу дрова для костра. – Его взгляд опустился на цепь между нами. Куда шел один из нас, туда и другой. – Ты справишься?

– Я же сказала, что мне не больно. К тому же у меня есть прекрасные туфли.

Джейс поднялся, протянул руку, чтобы помочь мне встать на ноги. Боль в ступнях была ощутимой, но не слишком сильной. Во всяком случае, я могла ходить, особенно если ноги защищали повязки. Мы прошли ко входу в пещеру и оказались на широком уступе. Ранее, поднимаясь по склону к руинам, я видела перед собой только берег и кустарник. Теперь, глядя с уступа, я не могла отвести взгляд от головокружительно звездного неба, встречающегося с бесконечной равниной, освещенной растущей луной.

– Смотри. Там, наверху, – заговорил Джейс, указывая на небо, – сердце Ариса. А рядом с ним...

Голова закружилась – я попятилась к стене руин. Джейс

немедленно меня схватил.

– Я слишком быстро встала.

Он смотрел на меня сверху вниз. Что ж, я понимала – он не поверит в это объяснение. Он знал о моей странной тревожности с той первой ночи в лесу, когда попросил меня загадать загадку.

– Что с тобой сделали, Кази? – Его голос звучал низко, серьезно. Даже в тусклом свете я видела беспокойство в его глазах.

Я притворилась, будто не понимала, о чем он говорил.

– Ты о чем?

– Кто заставил тебя бояться открытого мира, неба над головой? Венда? Родители?

– Никто, – прошептала я.

– Тогда держись за меня, – приказал он. – Давай я покажу тебе звезды.

* * *

Пока мы стояли на уступе, Джейс рассказывал истории. Рассказ он начал с самой низкой звезды на горизонте и назвал ее Золотом воров, так как у нее был отчетливый золотистый оттенок. Я держалась за его руку, концентрируясь только на звезде, его голосе и истории о мерцающем золотом самородке и ворах, которые спрятали его на небе, но забыли где.

Далее Джейс перешел к скоплению звезд – Орлиному гнезду, с тремя яркими яйцами, затем к другому, потом еще к одному, и вскоре небо казалось мне уже не небом, а темным пергаментом сверкающих взаимосвязанных историй. Пока он говорил, я заметила, что некоторые из звезд пролетали по небу, точно живые, оставляя за собой горящие хвосты. Джейс рассказал и о них:

– Это мчатся Потерянные кони Хетиши. Они остались одни, когда хозяйка упала с колесницы на землю. Теперь они скачут по небесам, кружат, ищут ее. Говорят, что, если она найдется, звезды соединятся с колесницей и станут самыми яркими на небосводе.

Я взглянула туда, где только что исчезла звезда. В душе нарастала боль. Может, мне стало грустно, потому что я никогда раньше не видела звезд? Или, возможно, стало жаль потерянных лошадей, которые тысячелетиями кружили в небесах? *«Они никогда ее не найдут. Ее больше нет».*

– Думаю, – он повернулся ко мне, – пора заканчивать.

Наши лица оказались неожиданно близко. Наблюдая, как лунный свет ласкал его скулы, я забыла и о звездах, и о лошадях.

Я вдруг осознала, что по-прежнему сжимала его руку. Я резко ослабила хватку и отпрянула.

– Пора собрать ветки для костра, – напомнил Джейс.

– Я помогу.

Я шагнула вперед, и в тот же миг мы неуклюже столкну-

лись, – хорошо, что руины не дали нам упасть. Теперь его лицо оказалось в волнительной близости от моего. Я прижалась спиной к стене; рука Джейса обвила мою талию. Теперь ничто не могло нас отвлечь. Не было шансов отвести взгляд. Мы оба поддались чувству, которое все это время кружило над нами, ждало, пытаясь наброситься. И вот наконец это свершилось.

Джейс сглотнул. Наши лица находились всего в нескольких дюймах. Безмолвные секунды будто застыли, и мне казалось, что целый мир, звезды и небо смыкались вокруг нас, подталкивая друг к другу наши тела.

– Это... считается умением находить положительные моменты в трудной ситуации? – наконец прошептал Джейс.

Я затаила дыхание. Мне стоило сказать сотню вещей, но вместо этого я ответила:

– Вполне возможно.

Голова Джейса наклонилась, лицо приблизилось. Его губы едва коснулись моих, нежно, медленно, словно оставляя мне время на размышления. Но я не возражала, даже не думала возражать. Его рука скользнула мне за спину, притянула мои бедра. В теле вспыхнул пожар. Его рот прижался к моему, а язык, такой теплый, сладкий, нежный, раздвинул губы. Мое дыхание сбилось. Джейс обнял меня, притянул ближе. Спина горела от жаркого прикосновения, точно мне поставили раскаленное клеймо. Я гладила его лопатки, обжигая пальцы. Я чувствовала, как напряглись его мышцы. У меня кружилась

голова, но так, что мне захотелось погрузиться в это сладкое чувство, утонуть в его тепле. Я будто падала в огромное темное небо, и мне было все равно. Я хотела раствориться в нем. Хотела большего. Наши мягкие, теплые языки исследовали друг друга, но вдруг он отстранился. Его глаза искали мой взгляд: Джейс будто спрашивал разрешения.

«Нет, – подумала я. – Только не останавливайся».

Однако его взгляд застыл в ожидании, словно ему нужно было услышать...

Мое дыхание дрожало, обжигало легкие. Я знала, что совершила большую ошибку, но эта ошибка была приятной, и я хотела совершать ее снова и снова. В его глазах было что-то искреннее, серьезное, настоящее, что заставило меня остановиться. Это было нечто большее, чем извлечение пользы из трудной ситуации, что-то, что пустило корни, как посаженное семя. Вот только делать этого было нельзя.

«Ты – рахтан, Кази. Ты дала обещание, и ты предашь этого парня в конце концов. Не делай этого».

Мой желудок сжался. Я знала, что поступала неправильно. Я не имела права переступать черту. Мои руки скользнули к его груди, чтобы оттолкнуть, но я замешкалась... И ощутила в ладонях жар. Пальцы медленно скользили по его коже, пока не поднялись к голове, нырнув в его волосы. И тогда я притянула его к себе.

Глава шестнадцатая. Кази

Призраков я слышала всегда.

Смерть в Венде – не гостья, не случайная странница. Она *жила* среди нас, бесстыдно шагала по улицам, задевая костлявыми локтями прохожих, чьи щеки были такими же исхудалыми, как и ее. Она, уже издалека завидев меня, шептала с ехидной ухмылкой: *«Эй, ты! Ты следующая»*. А я тихонько отвечала: *«Нет, не сегодня»*. Днем и ночью жители Венды, включая меня, находились на волосок от смерти. Наша судьба зависела от того, какой дорогой она решит прогуляться сегодня. Однако на меня ее ледяная ухмылка давно перестала наводить ужас.

Поэтому, увидев в Костяном канале призраков с тощими пальцами, тянущимися к моим ногам, услышав их дрожащие голоса: *«Поверни назад, Кази, не ходи этой дорогой»*, – я их проигнорировала.

Не ходи этой дорогой.

Но мы, несмотря на предостережения, и не думали останавливаться.

Назад пути не было. Мы будто провалились в нору, а потом вылезли в другом, перевернутом мире, где все звучало и ощущалось иначе, а каждый мимолетный привкус был угрожающе сладок.

Джейс наклонился ближе, приподнял мой подбородок.

Наши губы встретились. «*Мы извлекаем пользу*», – вот что мы говорили друг другу. Твердили час за часом, день изо дня, чтобы хоть как-то себя успокоить. В каждый поцелуй мы вплетали историю, загадку или стебель желания. Это была сахарная пудра, которая таяла и исчезала на кончике языка. Но теперь все изменилось, стало вполне реальным. Разве мы делали что-то плохое? Мы лишь пытались выжить.

Но по мере того, как пройденные километры росли, мы приближались к покинутому ранее миру. Давящее чувство охватывало меня, точно зверь, которого не обманешь сказками. Здесь Джейс мог быть кем угодно, но там... там он был *врагом*, главой преступной семьи, которая, вполне возможно, укрывала военного преступника, представляющего угрозу для всего континента. А если так, то он и его семья дорого заплатят. Пусть я и помогла Джейсу сбежать от охотников, залечила раны, полюбила слушать его истории, в *реальном* мире я находилась на службе у королевы Венды, которая доверила мне это задание. Я была предана ей так же, как и он своей семье. Наступит час, когда мне придется его предать. Я поставлю его семью – нет, всю династию Белленджеров – на колени. Его миру было не суждено продолжаться.

Даже лучшему в нем.

Да, мы просто извлекали пользу.

Пока это возможно.

У нашей истории не обязательно должны быть счастливое начало или счастливый конец. Меня устроил бы и пир в куль-

минации, хорошая мыльная ванна, ночной отдых на постоянном дворе, полный желудок, теплая грудь, прижатая к моей спине, нежные, теплые губы на затылке, истории, нашептанные на ухо.

Утром мы остановились у родника, чтобы утолить жажду и отдохнуть в тени ольхи. Листва заметно распушилась, равнины сменились предгорьями и горами, покрытыми лесом. Я легла на спину, Джейс примостился рядом, опираясь на локоть. Его палец провел линию вдоль моей челюсти. Он больше не спрашивал, что со мной делали. Казалось, он хотел стереть мои воспоминания, вымыть их из моей головы, и в тот момент я не думала возражать.

– Кази, – прошептал он. Его губы скользнули по моей шее, и я снова забыла о реальном мире, куда мы направлялись, и полностью погрузилась в момент.

* * *

Близились ночь. Сотканное из облаков полуночное одеяло укрыло звезды, спрятав нас от любопытных светил. Темнота милосердно сделала так, что ничего нельзя было прочесть в наших взглядах.

– *Что происходит, Кази?*

Я понимала, о чем он спрашивал. Что между нами? В какую игру мы играли?

Я тоже об этом думала. Наши поцелуи наполнились пау-

зами, а взгляды – вопросами.

– *Я не знаю, Джейс.*

– *Что ты чувствуешь?*

– *Твои губы, руки, биение твоего сердца.*

– *Нет, Казы, что ты чувствуешь... здесь?*

Его палец скользнул в центр моей груди.

Я чувствовала давящую боль. Потребность, которую не могла озвучить.

– *Я не знаю.*

И не хотела знать.

– *Позволь мне насладиться твоими губами, – прошептала я. – Не заставляй меня думать, Джейс.*

* * *

Я закричала от радости: наконец мы вышли к глубокому озеру, где можно было искупаться. Мы бросились к берегу, спотыкаясь и визжа, и одновременно прыгнули в прохладную кристальную воду. Стоило мне вынырнуть, как на меня обрушился шквал из брызг. Шутка Джейса обернулась настоящей войной – озеро превратилось в облако слепящих брызг и смеха. Мы бесились, пока Джейс не схватил меня за запястья, препятствуя любым движениям. Воцарилась тишина, однако спокойствие так и не возвращалось в его глаза. В них бушевала буря.

Я смотрела на его лицо, на мокрые волосы, подбородок,

на слипшиеся от влаги ресницы.

– Ты мне нравишься, Джейс Белленджер, – нежно промолвила я. – Не будь ты вором, мы могли бы стать друзьями.

– Мы бы точно подружились, если бы ты не хваталась за ножи и не угрожала перерезать кому-то красивую шею.

Я сморщилась.

– Да ты помешан на своей красивой шее!

Джейс, сжав мои запястья, притянул меня ближе. Его рот прильнул к моей шее.

– Нет, Кази из Брайтмиста, я не на шее помешан, – прошептал он между поцелуями.

* * *

Прохладный ветерок играл с моими волосами, окутывая нежным ароматом сосны; щекотала колени высокая трава. Сегодня мы выдвинулись рано. Поспать нам не дал ракаа: с громким криком он пролетел невысоко над землей, накрыв тенью обе стороны долины. Джейс заверил, что основной рацион этих птиц – антилопы, жеребята или овцы, но *точно* не люди.

– Ну, может, раз или два такое случалось. Хотя мне всегда было плевать на ракаа: насколько я слышал, они отдают предпочтение черноволосым красавицам и их кислому, жесткому мясу.

Я ткнула его локтем.

– Эй, ты, верно, забыл, что мы в одной связке? Так что надейся, что ракаа найдет хорошую сочную антилопу.

К середине утра ветер утих. Солнце палило нещадно, и в неподвижном воздухе появился тревожный *гул*. Что это за звук? Ноги, ступающие по траве? Несмолкаемый звон цепи? Что бы там ни было, он звучал как хронометр, отбивающий ритм наших шагов.

– Давай передохнем, – попросила я.

Мы направились к березовой роще, где улеглись в тени на толстом покрывале из летней травы. Но даже без грохота цепи и шума шагов я все равно слышала настойчивое *тиканье* в безветренном воздухе. Оно вибрировало у меня в костях, точно предупреждение.

– Расскажи мне историю, Джейс. Что-нибудь о твоей семье.

Что угодно, лишь бы не слышать эти назойливые звуки.

На этот раз он говорил о Миандре, матери всех Белленджеров. В тринадцатилетнем возрасте она прибыла в Дозор Тора в составе уцелевших Выживших. Хотя она была еще ребенком, ей пришлось командовать вместе с Грейсоном, так как остальные были еще младше. Как и в случае с Грейсоном, падальщики убили последнего родственника прямо у нее на глазах. С тех пор у них была общая цель – создать убежище, где ни один падальщик не смог бы причинить им вреда. Крепость росла на протяжении веков, но именно Грейсон и Миандра заложили ее первые камни.

– Мы – первое государство, или, как сказали бы венданцы, – первое королевство.

Я слышала гордость в его голосе. Пока он говорил, в его глазах плясали огоньки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.